

[Polaris]

УЖАСЫ



ЧАРОДЕЙСТВА

Сказки, повести и анекдоты о нечистых духах,
страшилищах, колдунах, призраках, мертвецах,
привидениях и разбойниках

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXCVII



Salamandra P.V.V.

УЖАСЫ ЧАРОДЕЙСТВА

Сказки, повести и анекдоты о нечистых духах,
страшилищах, колдунах, призраках, мертвецах,
привидениях и разбойниках

Salamandra P.V.V.

Ужасы чародейства: Сказки, повести и анекдоты о нечистых духах, страшилищах, колдунах, призраках, мертвецах, привидениях и разбойниках. Пер. И. Гурьянова. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017. – 105 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СХСVII).

В сборник включены полные переиздания книг «Ужасы чародейства» автора знаменитого «Инфернального словаря» Ж. Коллена де Планси и «Простонародный сказочник» – небольшого собрания сказок и повестей о мертвецах, колдунах и привидениях. Обе книги были переведены на русский язык в 1830-х годах литератором И. Гурьяновым и переиздаются впервые.

УЖАСЫ ЧАРОДЕЙСТВА

УЖАСЫ ЧАРОДѢЙСТВА

и л и

ПРОСТОДУШНЫЙ СИДОРЪ,
разсказы в а ю щ і й :

Сказки, повѣсти и анекдоты о не-
чистыхъ духахъ, страшилищахъ,
колдунахъ, призракахъ, мертвецахъ,
привидѣніяхъ и разбойникахъ.

Собранныя изъ народныхъ преданій
Сентъ-Алвенею.

Переводъ съ Французскаго

ИВАНОМЪ ГУРЬЯНОВЫМЪ.

— „Ахъ не все намъ рѣки слезныя
„ Лишь о бѣдствіяхъ сущесивенныхъ;
„ На минушу позабудемся
„ Въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ.
(Карализинъ.—Илья Муромецъ.)



МОСКВА.

Въ типографіи Лазаревыхъ
Института Восточныхъ Языковъ.



1831.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

От Автора.

Народныя Немецкия сказки, изданныя в Германии, побудили меня к составлению сей книги, а советы некоторых известных наших писателей послужили мне руководством, и я собрал сии повести.

Меня без сомнения осудят за то, что я включил здесь довольно смешного и несбыточнаго; отвечаю: все, что я ни собрал здесь для рассказа, не есть плод моего воображения; но слышанное от многих добрых людей, почитавших все чудесное в сих сказках сущою правдою и до сих пор остающихся при своих мнениях. — Их трудно переуверить в том, что слышали они от дедушек и бабушек своих.

Я выдал в свет сии сказки, как памятник суеверных народных мнений, и не переменяю в рассказе ничего кроме слога; а если некоторые найдут меня неправым в том, что я включил и такая повести, которыя правдоподобны, то оне и не подлежат под заглавие сказок, а помещены для разнообразия; посему-то старался я смешную или чудесную сказку поместить подле печальной и правдоподобной повести; от сего разнообразия произошло и разнообразие слога, так, на пример, повести *Прекрасная Юлия* и *Прованская Габриела* не могли быть писаны таким слогом, как *Ужасный козел в амбаре* или *Чортова житница* и пр.

Я не принимал труда к исправлению невероподобнаго и к смягчению мнений в суеверных сих сказках для того, что здравомыслящий Читатель сего и не потребует от таковаго рода книги, а пожелает конечно только того, чтоб в ней было много чудеснаго, и чтобы она могла хотя несколько развлечь читающаго во время скучных часов его жизни.

Впрочем слово: *Сказки*, кажется, освобождает меня от излишней отчетливости.

ОТ ПЕРЕВОДИВШАГО.

Любезный Читатель! посмотри на заглавный лист сей книги и прочти избранный мною эпиграф. — Вот причина почему перевел я народныя сказки Французския. — Конечно, лучше бы собрать свои отечественныя; но не всякой имеет такое перо, как Автор *Ильи Муромца*, *Руслана* или *Лафертовской маковницы*. — Мне было скучно: я прочел сии сказки, случайно попавшиися мне на глаза и, казалось, во все время моего чтения, скука с угрюмым челом своим не была пред мною; вскоре, опять таки от скуки, перевел их, и от души желаю, чтобы сии чудныя, странныя и смешныя сказки прогнали скуку и от читателя-соотечественника.

По мере моей возможности я старался, передавая рассказы иностранца, сохранить самой простой слог и тем уподобить их сказкам Русским, — не знаю, успел ли? по крайней мере я имел это целию. Впрочем я буду и тем доволен, если какой-нибудь читатель, мучимый бессонницею от досады, что не может превзойти ближняго своего или в богатстве или в почестях, заснет под моим переводом. — И это будет благо; ибо книга сия, погрузив его в сон, лишит способности изобрести что-либо ко вреду счастливаго своего ближняго.

Иван Гурьянов.

ЧОРТОВА ЖИТНИЦА.

В одной из Французских провинций, именующейся Шампани, жил очень давно зажиточной поселянин, Жан Мюлен; покойно и счастливо протекала жизнь его в трудах около полей и виноградника; он с удовольствием видел, что добрая жена его Катерина каждогодно умножала его семейство новым наследником или наследницею. — На сем свете нет ничего прочного, и наш добрый Жан испытал это: минуло несколько лет, все шло как нельзя лучше, наконец под осень, когда уже хлеб был собран и заготовлены запасы на зиму, ударил гром — и дом Жана загорелся, житница, амбары и все принадлежности превратились в пепел. Жан, — будем впредь называть его просто Иваном, — разорился бы вконец, если бы по счастью не спас он от пламени небольшой суммы денег, сохраненной им в прежние годы.

Вскоре Иван выстроил новый домик, но казна его не прибывала, а убывала, и это огорчало все семейство. В крестьянском быту без житницы дело плохо. Добрый Иван наш видя, что жатва поспевает уже, и что хлеб и виноград, стоящий ему таких трудов и терпения, не удобно собирать в чужие амбары, просил и друзей и родственников помочь ему на постройку житницы; но на сей раз все ему на отрез отказали.

Богатому обеднять тяжело! — Однажды вечером в страшной грусти бродил он около полей своих, и возвращаясь домой, на перекрестке, встретил незнакомаго человека высокого роста, одетого в черное платье; ноги у него были очень безобразны и обуты в какие-то странные полусапожки, а на руках были у него красные перчатки.

Скоро вступили они в разговор, и незнакомец, расспросив Ивана о его печали, сказал, что легко может сему горю помочь, если только он ему совершенно вверится. — «Ка-

ким же образом?» спросил Иван. — «Выслушай меня,» отвечал прохожий, и не бойся. Я имею сверхъестественную силу и люблю детей. Отдай мне то дитя, которым теперь беременна жена твоя — и житница твоя будет готова до первых петухов сей ночи.» — «С нами крестная сила!» вскричал Иван и перекрестился... В ту же минуту черной незнакомец пропал с шумом, и Иван догадался, что разговаривал с нечистым духом. Сердце его билось от страха; он поспешил возвратиться домой и положил твердое намерение не вступать в подобный торг никогда.

Хлеб поспевал, а у Ивана житницы не было. Что было делать? — На ум приходило и то и сё, думал даже и о том, как бы увидеться с черным прохожим и убедить его на какое-нибудь другое условие; но надежда его тотчас уничтожалась, когда вспоминал он, что черный *особенно любил детей*. Наступало уже и время жатвы, поспевал уже и виноград, а житницы еще не было; очень грустно было Ивану. — Однажды, бродя по полям, он набрел нечаянно на тот же перекресток, где встретил незнакомца. На дворе уже наступила ночь. Он сел на межу и глубоко вздохнул три раза. — «Ну! не уже ли ты еще не решился?» спросил его вдруг представший черный прохожий, у тебя пятеро детей, что тебе прибыли в шестом, если и первые должны умереть с голода? Что ты боишься мне его вверить! Я буду пеших об нем и тебя сделаю богатым...»

Быть богатыми сводило с ума многих. — Несчастный Иван дал кровью своею написанную записку, что отдаст младенца тотчас по его рождении тому, кто принесет к нему его кровавую записку, но с тем только, чтоб в сию же ночь до первых петухов была готова житница.

Дело сделано. Иван пришел домой, жена и дети встретили его с радостью; но он был печален и не мог ужинать. Только что улеглись его домашние, он вышел посмотреть, что у него на дворе делается, и что ж увидел он? — Сотни чудовищных, уродливых нечистых духов сносили отовсюду бревна, доски, солому, и в глубоком молчании, но с величайшим прилежанием строили житницу. Лица сих работников были огненного цвета, пальцы крючковаты, ноги

безобразные, на головах рога у иных длинные, а у иных короткие; хвосты доказывали, что это были за работники. Начальник их, ужасного роста и еще безобразнее, безпре- станно понуждал ленивых. Ивану казалось, что это был са- мый тот, с которым он сходил на перекрестке, но теперь наружность прохожаго была не такова: он был черен как сажа, и только местами кой-где были на нем пятна огнен- ного цвета; ноги его имели подобие змей и были покрыты шерстью; длинный хвост его, изгибаясь во все стороны, слу- жил ему плетью, для понуждения к работе ему подчинен- ных; острые длинные когти, козлиная борода, страшный зев с тройным рядом острых зубов, ослиные уши и стра- шные рога служили ему украшением, — Иван затрепетал от ужаса, когда пришло ему в голову: кому отдал он свое детище! Но в тот же час добрый Ангел внушил ему мысль бежать к одному из его соседей, который почитался ум- нейшим из всего околodka.

Сосед удивился столь позднему посещению, но узнав причину, оделся как можно поспешнее. — «Дай Бог, Иван, чтобы на твоё счастье Сатана не успел достроить житницу, иначе бедное твоё дитя пропало — и ты также.» — Так го- ворил умной сосед, выходя из дому, и почти бегом достиг- нул жилища, где нечистые духи ещё продолжали работу. — Сосед тотчас бросился в курятник и выгнал из онаго всех кур. Проснувшийся петух запел, и — вся нечистая си- ла исчезла, недостроив житницы. Ещё несколько минут, и чортова работа конечно была бы совершена, тогда условие было бы в своей силе: несчастный Иван и дитя его были бы достоянием Сатаны и ада; но теперь работа прервана, и Иван не знал, как благодарить своего соседа-благодетеля.

Наступил день; весь околodka узнал странное приклю- чение, и все сходились смотреть житницу. Некоторые втай- не желали сами вступить в такую же связь с чортом; но не знали, где найти его. Из сострадания соседи хотели было доделать недокончанную житницу; но намерение и усилия их были тщетны: все, что они ни делали в течение дня, все то было разрушаемо ночью, и житница долго — говорят — стояла недокрытая и наконец сгорела от молнии.

Между тем Катерина родила дочь и вскоре умерла. Маленькая Анна была отдана кормилице, но так была несчастлива, что всякая кормилица, приняв ее, или делалась больна, или теряла молоко. Огорченный Иван вынужденным себя нашел отдать маленькую Анюту на воспитание сестре своей, живущей в предместьи города Сезана.

Первый год по смерти Катерины прошел без всякого особенного происшествия, только в самый тот день, когда построена была житница, и в самый тот час, когда прервана была работа чертей пением петуха, ежегодно слышался на верху житницы шум, грохот и временное возгарание молнии. Соседи уверяли за подлинное, что они видали даже в то время летающих чудовищ страшного вида с крыльями летучих мышей, с длинными хвостами и красными рогами на головах. — Сие странное явление было видимо всегда в помянутую ночь и в течении всей жизни Анны не уменьшалось.

Когда меньшая дочь Ивана достигла 16 лет и была чрезвычайно хороша собою, тогда многие молодые люди сватались за нее, и отец намеревался выдать Анну, предполагая тем уничтожить страхи, наводимые нечистыми духами на дом его и даже на весь околодок, но сердце Анны было еще свободно, и свадьба всегда откладывалась до следующей осени.

На 18 году от роду, в одну ночь, Анна уснула, размышляя о выборе жениха. В сновидении представился ей прекраснейший молодой человек, щегольски одетый. — Его томный и нежный взгляд тронул сердце девицы. Молодой человек взял ее руку и с почтением поцеловал оную. Анна проснулась и изумилась, увидев пред собою точно сего незнакомца. Кто ты? спросила она, прикрываясь одеялом. — «Невольник красоты твоей, — отвечал молодой человек, пылающий чистейшею любовью и решившийся умереть, если ты отринешь мои чувства.» —

Пораженная любовью и удивлением, Анна, оправляясь от первого страха, пожелала знать, каким образом он вошел в ее спальню. — «Что нужды в этом? Довольно того, что я люблю тебя, и буду любить всегда, — остальное предоставь

знать мне.» — Так отвечал молодой красавец и, продолжал уверения свои в пламенной и вечной любви. — Анна была молода и не приобывала к лести. Сердце ее билось сильнее и сильнее. Убеждения незнакомца проникали в душу ее и она дала ему слово любить его единственно, прося однако же его тотчас выдти и оставить одну подумать о сем хорошенько. Молодой человек повиновался и вышел в окно.

Анна встала, подбежала к окну, хотела посмотреть, в которую сторону пошел ее любезный, но она не видала ничего. Любовь, удивление и страх волновали ее чувства; она бросилась в постель, но не могла заснуть.

Весь наступивший день была она печальна и как бы потеряна. Тетка ее спрашивала причину; но она не говорила ничего о ночном посещении молодого человека, вероятно или потому, что она боялась обнаружить страсть свою, или потому, что он воспретил ей это разглашать до времени.

В следующую ночь незнакомец опять явился у постели прекрасной Анны. — Любовь и нежность его еще более усугубились. Посещения сии продолжались 8 дней. Анна еще и не знала имени своего любезного, но чувство любви ее к нему возросло до высшей степени: она сделалась бледна, задумчива, не употребляла пищи и приметно ослабевала. — Все это заметили; но никто не знал истинной причины; догадливые старушки намекали в тайных своих беседах о любви, но всегда ошибались в предмете.

В девятую ночь прекрасный незнакомец, всегда пламенный и почтительный, сделался смелее; еще колебалась Анна, но его убеждения были сильнее: она дала ему наконец клятву быть его и принадлежать ему. — Утренняя заря разлучила любовников, утопавших в восторгах любви...

Весь следующий день она не выходила из своей горницы, думала о минувшей ночи и решила непременно в первое свидание с любезным убедить его приступить к свадьбе? Часы дня сего казались ей длинны, как годы.

Настала ночь; часы пробили 12. Анна прислушивалась к малейшему шороху, ожидая своего любезного; но он не приходил еще. Около двух часов за полночь послышался ей

страшный шум; окошко ея задрожало, и она видит вошедшее чудовище, кровавого цвета, с длинною бороною, всклокоченными волосами и с какою-то кочергою в руках. Девцу объял трепет; она хотела закричать, но чудовище закрыло ей рот своею холодною и мохнатою лапою, село к ней на постелю и пожирало ее глазами. Девушка обмерла.

— *«Ты моя на веки, ты поклялась мне в том!»* произнесло чудовище после нескольких минут молчания и исчезло... Горница наполнилась смрадом.

Анна, пришедши в себя, закричала, испугавшаяся тетка прибежала: но услышав от племянницы о явлении чудовища, назвала ее суеверною и возвратилась в свою комнату.

Легко вообразить, в каком страхе и в каких мыслях провела Анна остаток ночи. По утру тетка нашла ее на постеле при смерти больною; тотчас послали за Священником, который употребил все свое красноречие, чтобы успокоить больную.

На следующую ночь тетка осталась при племяннице и, желая успокоить ее, смеялась и над ея страхами и над привидениями. Лишь только ударило два часа, как окно растворилось с треском, и чудовище в прежнем виде представило пред постелею Анны. Она вскрикнула, а тетка упала без чувств на пол.

Чудовище наклонилось к постели, взяло руку девушки, посмотрело на нее и сказало также, как и прошедшую ночь: *ты моя на веки, ты поклялась мне в том!...* и исчезло.

Долго после сего спустя, тетка первая пришла в чувство, закричала своего мужа и других домашних, и всем им, когда они прибежали, рассказала, что племянница не ошиблась, и что она сама уже своими глазами видела Сатану.

С общего совета послали тотчас за умным соседом, некогда помогшим отцу Анны. Он пришел и осмотрел все жилище, сказал, чтобы дитя, тетка и двое двоюродных братьев хозяина остались с ним на всю ночь при постеле девушки. Настала ночь, и все расположились на стульях около Анны, в твердом намерении не спать; но едва ударило 12 часов, как всех объял глубокой сон, даже и самую Аннушку,

которая уже несколько ночей не могла заснуть; конечно сон сей был ничто иное, как напущение нечистой силы.

В полночь девица разбужена была, и кем же? ея милым, молодым любовником, котораго не видала она в течение двух ужасных ночей, и который тихо извинялся пред нею, что по некоторым обстоятельствам не мог так долго быть у нее. Бедная Аннушка поверила, обрадовалась и забыла все страхи. Восковая свечка, принесенная соседом, горела на столе весьма томно. Аннушка предалась радости, увидя своего любезного, до такой степени, что близка была забыть себя и всех около ее сидящих, но вдруг упало что-то в переднем углу, и сосед, который сидел ближе всех к постели, проснулся и взглянул на молодого щеголя; он тотчас догадался, кто был сей посетитель, и бросил что-то бывшее у него в руке на незнакомца. Сей сделался недвижим и принял настоящий ужасный свой вид, но не для бедной Аннушки: она видела его все еще в образе своего милого любовника. Сосед встал, разбудил всех спящих. Все ужаснулись, увидя страшилище; тетка упала на пол. Сосед оправил свечку и начал заклинять дьявола пояснить причину его прихода. Едва кончил он заклинание, как и бедная девица освободилась от очарования и узнала в любовнике своем того самого, который в прежние ночи наводил присутствием своим на нее ужас. Она вскрикнула и лишилась чувств. — Тогда враг человеческого рода сказал страшным голосом: *она моя на веки, она поклялась мне в том ея Богом, и никакая уже сила не отымет ея от меня. Еще ее не было на сем свете, как получил я от ея отца на нее полное право, но ты разрушил мои права, теперь же...* Страшилище хотело увлечь свою жертву, но сосед, предудсмотря его намерение, брызнул на лежащую без чувств из маленькой скляночки несколько капель святой воды, Сатана отскочил от постели и страшно заревел. — Сосед начал делать снова заклинания и наконец сказал: — ты успел обольстить несчастную, также как и отца ея; ты погубил ее, но не возмешь ее, пока не дашь ей время проститься с отцем, которому принадлежала она по правам гораздо священнейшим.

— Я согласен дать время; но сколько ты на это требуешь? —

— Пока не догорит эта восковая свечка, сказал сосед, показывая на маленькой огарок, горящий на столе.

— О! согласен! согласен!

— Клянись же!

— Чудовище начало бормотать что-то понятное одному только соседу, и только что кончил, как сосед потушил огарок и тотчас положил его в чашку, налитую Святой воды.

Сатана задрожал, заскрежетал зубами и в виде пламени исчез. Несчастливая девица пришла в чувство. — Слава Богу! сказал сосед, мы спасли Аннушку; но надобно быть осторожными, и для того сей час отнесите эту чашу с водою и огарочком к Священнику. Он знает, как сохранять оную, только расскажите все как происходило. Дядя хотел было сам отнести; но сосед, зная хитрость нечистых духов, не хотел вверить ему сего сокровища, и сам отнес воду и огарок Священнику, который тотчас внес оные в церковь.

Сатана лишился своей жертвы.

Аннушка не видала уже более духа, оправилась от болезни, но была всегда печальна. Спустя три года, один молодой человек увидел Аннушку, полюбил ее и, не смотря на то, что ему рассказали все случившееся, присватался и взял ее за себя.

Долго и счастливо жили они вместе, любили друг друга, и враг не мог уже нарушить покоя Аннушки. Когда умер отец ее, то снова по ночам соседи видали над домом его летающих страшилищ, но вреда никому от того не было.

II.

ИЗГНАННЫЕ ДОМОВЫЕ.

В одном Французском городе, именно в Ренне, жил один Стряпчий, которым многие отзывались не с хорошей стороны. В народе шла молва, что он многих обидел, пустил по миру и заставил умереть в печали и нужде. Стряпчий помер, и с самого дня его смерти появились в огромном его доме домовые и начали разные свои шалости. Кому не известно, что домовые шалят, производят шум, стук, но никому не бывают видимы. Шалости домовых нагнали такой страх на всю родню стряпчаго и на всех живущих в доме, что все выехали, и дом сделался необитаем. — Не смотря однакож на сие, соседи долго слышали шум в опустелом доме.

По прошествии 9-ти месяцев после смерти стряпчаго шум совершенно смолк в доме. Наследники старались продать его, но покупатели боялись: ибо едва только кто, приторговавшись, входил смотреть то, что покупает, то шум возобновлялся. Так продолжалось довольно долго; было много охотников; но дом никто не мог купить. Наконец нашелся один старый драгунский Капитан, который смеялся всем суеверным бредням, домовым и привидениям, и который, не смотря на разные слухи, купил сей дом за дешевую цену и смело переехал в оный.

Наступил вечер. Офицер приказал развести в большом зале в камине огонь, приготовил пару добрых пистолетов, палаш и сел, ожидая явления своих неприятных и незваных жильцов.

Скоро послышалось ему, что кто-то ходит около его. Он обернулся, но не видал никого. Чрез несколько минут он почувствовал, что его крепко кто-то схватил за ухо. Офицер разсердился, схватил пистолет, обернулся и увидел позади себя у софы приготовленный на одну особу прекрасный ужин.

— «Ого! если только для того меня схватили за ухо, чтобы я сел поужинать,» сказал громко Офицер, «то это можно было сделать и не так неучтиво.» —

Офицер встал и подошел к софе, но только что он сел, как стол сам собою отодвинулся на середину. Офицер пошел за столом, но стол безпрестанно отходил от него то в ту, то в другую сторону.

Офицер начал бегать за столом, в намерении схватить его, но ни тут-то было, стол бегал прытче его.

— «Ну к чорту! право, так шутить с Офицером не годится» вскричал уставший Офицер и бросился на софу. Лишь только он сел, как стол сам собою подвинулся к нему и остановился в надлежащем положении. — Вкусные по виду и запаху кушанья разрезывались сами собою и клались на тарелку; бутылка откупорилась также сама собою, и невидимые хлебосолы налили полный стакан вина.

— «Так и быть,» сказал Офицер, «надобно забыть прошедшее из благодарности за такое угощение!»

Сказав сие, Офицер хотел взятой им кусок хлеба и говядины поднести ко рту; уже кусок касался почти губ, как вдруг кусок выскочил у него из рук и очутился на середине залы.

По залу раздался громкой хохот.

С досады и для большей смелости, Офицер схватил стакан вина, приложил к губам, хотел пить: но по усам текло, а в рот не попало: вино лилось, но не в рот, а на пол. Как ни вертел Офицер стакан и как ни старался он выпить, но никак не мог.

— Опять по залу громкой хохот и топотня.

Можно вообразить, как разсердился Офицер за такую шутку. Он схватил пистолет и обнажил палаш, но не видал пред собою никого; и так, не зная кого наказать за дерзость, положил пистолет на камин. В ту же минуту, как он сие сделал, у обоих пистолетов выскочили сами собою кремни и пропали. Офицер поуспокоился немного, зазвонил в колокольчик и приказал вошедшему человеку своему подать свой ужин. Тотчас стол был накрыт; но каково было удивление Офицера, когда все кушанья, которые вносил человек его

и которые Офицер ясно видел на блюдах, как скоро были поставлены на стол, то пропадали. Офицер сам наливал в стакан из бутылки вино; но налитой стакан пропадал со стола и снова являлся порожний.

По залу снова раздался шум и хохот; все люди, прислуживавшие барину, со страху разбежались.

Офицер струсил не на шутку и пошел к одному своему старинному приятелю ужинать и посоветоваться что ему делать. Сей товарищ имел познания в тайной Магии и, выслушав друга своего, накормил его ужином и дал ему какое-то заклинание, научив, как употребить оное.

Обрадованный Капитан тотчас возвратился домой и по прежнему поместился в зале. Поправив в камине огонь, он приступил, по наставлению друга своего, к действию заклинанием: он поставил в одном углу стул, столик и свечку, очертил около всего этого мелом тройной круг, сел на стул и начал читать заклинание. Он прочел его первый раз, по зале сделался шум, прочел в другой раз, шум увеличился; но когда начал читать в третий раз, то все утихло, и едва он кончил, как явился пред ним из полу дух в виде прекрасного какого-то существа; на голове его горели пять ярких звезд. Зал сам собою осветился.

— «Что тебе угодно,» сказал дух, «я готов служить тебе, ибо должен повиноваться повелениям того, кто вручил тебе заклинание.»

— Когда так, то скажи, пожалуйста, кто эти проклятые домовые, которые не допускают никого жить в сем моем доме?

— Смотри!

Офицер взглянул в ту сторону залы, на которую показал дух, и ясно увидел до полусотни разных мохнатых уродливых больших и малых привидений, которые прыгали, вертелись, кривлялись и делали разные друг над другом штуки. Они порывались подскакивать и к Офицеру; но какая-то невидимая сила их удерживала в той стороне залы; дух о пяти звездах стоял покойно и сказал:

— «Вот те, которые не позволяли никому жить в твоём доме; они присланы сюда душами тех, которые пронырст-

вом и крючкотворством умершего стряпчего лишились всего имущества и принуждены были умереть от горести и нужды. Никакая человеческая власть не в силах их изгнать отсюда; но я могу; ибо они повинуются мне, как я мудрому Соломону.»

— «Изгони же их, и я буду тебе благодарен.»

— Дух обернулся, дунул на толпу домовых — и они исчезли. Офицер поблагодарил духа, который также исчез вскоре, и дом совершенно очистился от домовых.



III.

ВИДЕНИЕ. — СТРАСТНАЯ ЛЮБОВЬ.

(Повесть.)

В старину рассказывали, что любовь производила чудеса. Век рыцарства наполнен такого рода происшествиями, которые свидетельствуют, что точно любовь управляла всеми действиями тогдашнего времени; ныне она также видна, но только в романах, а в сущности почти невероятна, и следовательно тем более примечательна.

Некогда во Французской провинции, известной под именем Лангедока, жили Альфонс и Юлия; они были оба дети зажиточных поселян одной деревни; они имели одинакия наклонности, одинакие почти недостатки, одинакие вкусы, и следственно не удивительно, что полюбили друг друга. Время укрепило любовь сию; никакая порочная мысль с обеих сторон не оскверняла сего чувства.

Альфонсу минуло 21 год, а Юлии 18. Родители, давно замечавшие любовь детей, наконец изъявили согласие на брак, и отлагали день совершения онаго единственно для того, чтобы изготowiшься отпраздновать его пышнее.

Двоюродный дядя Юлии, со стороны матери, был богатый купец города Марселя и, нажив огромный капитал, хотя ничем не помогал отцу невесты, но был очень уважаем. Его ожидали к свадьбе, потому что он сам вызвался сделать им сию честь.

Дни, которые проведены в ожидании сего дяди, казались обоим любящимся целыми годами, а приезд его был для них несказанною радостью. Он приехал; обрадованная племянница разцеловала руки своего дяденьки.

Надобно сказать, что сей дядя имел у себя сына, которого называли Ернестом, и который, пользуясь богатством и слабостию отца своего, предавался покойно всем порывам страстей. — Его называли все повесою; девицы и даже

молодые мужчины, воспитанные в страхе Божиим, его убежали, как язвы.

Лишь только Эрнест увидел Юлию, как сильная страсть вспыхнула в его сердце, которая дотоле была ему неизвестна. Он сей час увидел, что не имел надежды, но не привыкши себе ни в чем отказывать, он дал полную волю своей страсти. Невинность Юлии, скромность ея, добродетель, образ обращения, совершенно непринужденного и веселый нрав умножали силу сей страсти и заставили его открыться в любви. Юлия удивилась и покойно сказала ему, что чрез три дни рука ея будет принадлежать тому, кому уже давно она обещана. Повеса начал уверять ее, что так как это есть первая любовь его, которой никогда еще не испытывал он, то и не может ей противиться; он продолжал подкреплять свои уверения, напоминая о своем богатстве. Юлия разсердилась в первый раз в своей жизни, ушла от него, не отвечая, и также в первый раз почувствовала печаль, которую спешила сообщить милому своему Альфонсу.

Альфонс, выслушав Юлию, старался ее успокоить тем, что вероятно отец ея, давший уже слово и распустивши о сем слухи, не захочет изменить обещанию, а к тому же и отец Эрнеста конечно не согласится, чтобы сын его взял неровную партию. Альфонс успокоил Юлию, но сам страшился сего случая, ибо знал, что богатство Эрнеста может много сделать.

Юлия рано легла спать, потому что не хотела видеть соперника своего друга; — а Эрнест, пользуясь сим отсутствием Юлии, в вечерней беседе стариков, сообщил им о своей страсти. Отец его, имевший другие намерения на счет супружества, никак не хотел согласиться; но когда Эрнест решительно объявил, что он умрет, если не будет мужем Юлии, тогда отец его согласился на все.

Отца Юлии уговорить было легко, потому что он не знал ничего в свете лучше богатства, а присоединив еще к сему то, что дочь его будет женою не крестьянина, а Марсельского купецкого сына, можно, наверно, положить, что с его стороны мало было сопротивления. Любовь в его глазах было такое чувство, которое раждалось только после

свадьбы, а иначе еще, была только игра воображения.

В сей же вечер отец Юлии послал к Альфонсу сказать, что условие их о браке с его дочерью рушилось по непредвидимым обстоятельствам, и что его просят не ходить более в его дом.

Легко можно представить себе положение Альфонса: в сердце его замерли все чувства; он машинально вышел из дому отца своего в лес и там провел в слезах всю следующую ночь.

Показалась заря! — «Вот,» сказал он сам себе в ужасной горести, последний из моих дней! Вчера я был еще счастлив; вчера я вкушал еще сладостные надежды и — вдруг лишился всего. Чего ждать еще? Неужели того, чтоб горесть повергла меня на долговременный и мучительный одр болезни? чтобы смерть по маленьку и с адскими мучениями исторгла жизнь мою? — Нет! я должен умереть, не пережив моего несчастия; но я должен прежде видеть мою Юлию, пожелать ей счастья, получить последний поцелуй и — тогда уму покойно.

Ночь проведенная без сна и ужасная горесть лишили его снова сил: он пал на землю — и благодетельный сон сомкнул его ресницы.

Между тем отец, на следующее после объяснения утро, вошел к Юлии и сказал ей, что она должна выкинуть из головы Альфонса и приготовиться после завтра быть женою богатого Эрнеста (*), ея двоюродного брата. — «Боже мой!» вскричала Юлия, «Батюшка! не ужели вы хотите разлучить меня с Альфонсом? не уже ли?...» она не могла договорить и упала в постель.

— «Эрнест должен быть твоим мужем, и никто другой,» прервал отец строгим голосом. — Ты должна любить Эрнеста, я тебе приказываю, а вместе с сим запрещаю отныне видаться и говорить с Альфонсом; — ему еще вчера я объявил это.» — Отец вышел, дочь осталась без чувств.

* У Католиков допускается законом двоюродным вступать в брак.

Сей и следующий дни прошли весьма печально для несчастных любовников. — Юлия не выходила из своей горницы и не осушала глаз. Альфонс бродил оба дня около жилища своей любезной. Ужасная скорбь снедала его сердце; он хотел видеть Юлию или своего соперника, но не мог видеть ни того, ни другого.

Настала ночь. Альфонс вошел на двор отца Юлии. Спущенная с цепи собака стерегла богатые житницы и конюшню. Она узнала доброго Альфонса, не залаяла, но начала ласкаться. — «Доброе животное!» сказал Альфонс, «о как много ты превосходишь добротою сердца твоего человека; тот, кто единожды приобретет твою привязанность, тому нечего уже страшиться потерять ее.»

Собака поласкалась и побежала на задний двор. Альфонс с трепетом подошел под окошко Юлии. Прислушивается; слышит тяжелые вздохи и всхлипывания своей любезной; сердце его сжимается.

Юлия еще раз хочет видеть небо, которое обещало ей радости и которое теперь есть безмолвный свидетель ее горести. Она отворяет окно и видит своего друга.

— «Боже мой!» вскричала Юлия, «это ты... Завтра наступит день, который долженствовал соединить нас навеки и соделать счастливыми... Но завтра... нас хотят разлучить... Есть лучший свет, там мы соединимся... Милый Альфонс, прости, поди домой. Если тебя увидят... Боюсь... Прости... Скоро увидишь ты, как я люблю тебя!»

Альфонс не мог выговорить ни слова; все чувства его замерли.

Они поцеловались, поклялись снова любить друг друга вечно, услышали какой-то шум в соседственной горнице и разстались. Юлия закрыла окна, а Альфонс отошел от убежища, где заключалось все, что было для него наидрагоценнейшего в свете.

Только что начало на дворе светать, как родители Юлии вошли в ее комнату, чтобы одевать невесту в церковь. Но что же они увидели? — Мертвый и обезображенный труп их дочери лежал на окровавленной постели.

Ужас и скорбь овладели несчастными. На крик и вой их сбежался весь дом; но пособить было уже не чем, Юлия была холодна как лед, и приготовления к свадьбе переменились на приготовления к погребению.

Ернест и отец его испугались, и туж минуту уехали в Марсель, а отец Юлии проклинал и алчность свою к богатству, и знатного дядю и любовь.

Скоро достигли слухи сии до Альфонса. В ужасной горести вскричал он . «Это много! слишком много! Она меня предупредила... но я догоню ее!»

Туж минуту он хотел, также как и его любезная, лишить себя жизни, но случившиеся при сем люди его удержали. Они отнесли его на постель лишенного совершенно чувств. Он опаматовался и снова начал порываться лишить себя жизни; тогда родители принуждены были его связать. — Ни просьбы его родителей, ни увещания знакомых не могли его успокоить: он призывал смерть, отказывался от пищи и предавался неутешной горести.

Настала ночь, несчастный, утомленный Альфонс заснул свечера. Родители его и друзья удостоверясь, что он успокоился, оставили его одного. Краток был сон его. Он открыл глаза. Туж минуту спальня его осветилась каким-то томным блеском, с помощью которого увидел он близ себя юную деву в белой окровавленной одежде.

Привидение распахнуло покрывало, и Альфонс узнал Юлию. Она подошла к самой постели. «Боже милосердый!» вскричал он , «ты ли это, Юлия?»

— Так, я, отвечало привидение, я пришла из области смерти, чтобы тебя видеть и сказать тебе: живи и сохраняй жизнь твою, дарованную тебе небом.

— Как могу я жить без тебя, дражайшая Юлия?

— Ты должен жить непременно, не подражай моей преступной смерти; живи для умоления разгневанного мною милосердаго Бога; живи и молись, чтобы Он простил смертный грех мой; я, — Юлия, твоя, любящая тебя Юлия, заклиная тебя исполнить мои просьбы.

Призрак исчез. Альфонс неподвижен. Ему мечтается еще слышать голос обожаемой им Юлии; но скоро он опомнил-

ся и удостоверился, что Юлии нет более для него.

Горесть снова лишила его чувств.

Поутру родители и друзья нашли его покойнее; но он был так слаб, что ежеминутно ожидали конца его жизни. Призванный доктор дал ему несколько капель лекарства и, казалось, оне имели желанное действие: доктор однако же сомневался в его жизни.

В наступающую ночь Юлия опять явилась у одра болящего, сама влила ему в рот несколько капель элексира. Альфонс почувствовал обновление сил.

— «Любезный Альфонс! прошу, заклинаю тебя, живи и умоляй обо мне милосердаго Бога, которого огорчила я моим смертоубийством.»

— Повинуюсь, дражайшая Юлия, но не хочу более видеть людей, хочу посвятить себя Богу. Хочу молиться далеко от людей.»

— «Я могу это сделать,» сказала Юлия, «следуй за мною.» — Она подала руку больному; он получил новыя силы, встал и пошел за Юлиею.

Двери отворялись и затворялись сами собою. — Настал день: родители не нашли своего сына, горевали и включили его в число умерших, ибо полагали, что он ушел в горячке и где-нибудь погиб.

Чрез несколько лет узнали, что Альфонс далеко от Лангедока жил в пустыне и убегал людей.

Там молился он за Юлию, и когда мера молитв его исполнилась, тогда Юлия в светлой одежде предстала страдальцу и объявила ему, что грех ея разрешен милосердным Богом.

Альфонс обрадовался и умер на руках своей любезной. Тело Альфонса не найдено в его пустыне.

IV.

МЕРТВЕЦ.

Один Студент маленького городка Вилетты, что в полумиле от города Арсиса, будучи уже в престарелых летах, женился на одной молоденькой крестьянке. — Прошел один год и один день после его свадьбы, как Груша, так называлась жена, умерла родами, произведя на свет довольно хорошее дитя.

Студент был уже слаб, и женился, собственно сказать, для того, чтобы только иметь кого-либо для товарищества и для того, чтобы ктонибудь мог прислужить ему. Соседи это знали, и злоречивые из них поговаривали на стороне, будто бы родившееся дитя не принадлежало Студенту, прибавляя к тому, что видели покойную Аграфену часто с каким-то высоким мужчиною одетым в черное платье, и что таковыя свидания бывали всегда скрытны. Слухи сии дошли и до Студента, сердце его облилось кровию, но как он был почтителен к памяти всех умерших, а потому и молчал, показывая будто этого не подозревает.

В девятый вечер после похорон, он, прочтя обыкновенную вечернюю молитву, лег спать; ему представилось что люди говорят правду, и что его покойная Груша точно была не целомудренна, он начал сердиться; в сие время дитя, которое старался он укачать в колыбели, не засыпало и кричало, чем еще более разстроивало смутный дух старого Студента, он с сердцем закричал, приподнявшись на постеле.

— «Да уснешь ли ты, неутомонное дитя! Замолчи и дай по крайней мере мне заснуть, или чорт тебя возми и с твоей проклятой матерью!»

Только что успел он выговорить сие, как услышал будто что-то покатилося на подволоке, потом глухой шум и наконец время от времени какой-то странной крик, которого не мог он разобрать.

Студент задрожал от страха; сердце его хотело выскочить. Он ясно видел, что несправедливость его обидела душу покойной его Аграфены, кусал себе губы, втайне проклинал свою нескромность; но его раскаяние не помогало, шум на подволоке, стук и крик не уменьшались. Старый Студент не знал что делать, он не мог ни кричать, ни встать с постели.

Ночь сия казалась ему веком. Он не думал уже и пережить ее, приготовлял отдать душу свою Богу и от чистаго сердца молился о упокоении души жены его Аграфены, общаясь отслужить по ней 9 панихид сряду.

Настало утро, шум умолк и наш старик поспешил, встав с постели, и весь покрытый холодным потом идти к дыячку и пономарю их приходской церкви.

Они со вниманием выслушали странное приключение и решительно уверяли, что это была душа покойницы, которая требует поминовения для очищения ее как можно скорее от огня чистительнаго и что, если не удовлетворится ее требование, то она не преминет придти и выдернуть ноги у мужа ее холодными костяными руками, чему множество было примеров.

У старого студента волосы поднялись дыбом. Он тотчас побежал к Священнику, и заказал ему девять панихид.

К вечеру он возвратился домой несколько покойнее духом; но вообразите страх его, когда в сумерках поднялся на подволоке такой же шум и крик как прошлую ночь. Студент испугался пуще прежняго и стремглав бросился к дыячку, жившему с ним по соседству.

Благоразумный дыячек, тотчас разсудил, что двум чело-векам не возможно идти к мертвецам и одолеть их, а потому пригласил с собою двух молодых здоровых парней, которые, узнав причину, хвалились, что готовы попробовать силу свою и с самим сатаною.

Студент обрадовался и все четверо бодро пошли в дом, где шумел мертвец, однакож жар их простыл, когда слышали они, что там кто-то на подволоке кидает что-то тяжелое, что кто-то крепко стучит в потолок; а потом, когда слышали крик похожий на визг, то побледнели и решитель-

но сказали, что кто хочет быть жив, тот конечно не должен оставаться в сем гнездилище мертвецов и чертей.

В сие время пришел к Студенту за каким-то делом крестьянин Симон, мужик здоровой, твердый и безстрашный. Хозяин чрезвычайно обрадовался его приходу и тотчас рассказал ему свое несчастье. Симон покойно уселся на скамейке и захотел послушать внимательнее шуму и крику производимаго мертвецами.

Посидев около четверти часа, отважный Симон предложил слазить на подволоку и посмотреть что там такое. —

Все ужаснулись. —

— «Как дядя Симон, сказал дьячок, не уже ли ты осмелишься посмотреть на мертвеца, которой может, если только дотронется до тебя пальцем, сделать тебя уродом — помнишь ли ты тетку Орину, которую так избил мертвец, что она не могла и встать; а большого Ивана, котораго мой дедушка знал еще тогда когда он был мальчиком; помнишь ли как он захотел узнать мертвеца; которой ломал у него в доме разныя вещи; помнишь ли что с ним случилось? Мертвец дал ему такую плюху, что у него половина зубов выпали. Нет по моему, так лучше идти к батюшке священнику, да посоветоваться или уж совсем бросить дом.» —

— «Оно хорошо! сказал Симон, а между тем лучше сходить на подволоку да посмотреть, вот двое парней пойдут за мною, а ты с хозяином останешься внизу.»

Симон дал одному из парней в руки свечу, другаго вооружил вилами и сам пошел впереди их, взяв в левую руку полено, а в правую горсть пыли с намерением, если мертвец или кто другой нападет на него, то засыпать ему глаза и тогда начать управляться.

Твердо пошел Симон на подволоку; товарищи следовали за ним не очень близко и безпрестанно озираясь. Только что Симон ступил на верх, как шум умолк. Смелчак и его товарищи долго ходили по чердаку, но не могли увидеть мертвеца и сошли долой.

Между тем хозяин и дьячек, оставшись внизу одни, были, так сказать, без души.

— «Нет на верху ни мертвеца ни чорта,» сказал, входя в горницу, Симон —

— «Уррр! уррр!» раздалось на потолке туж минуту: дьячек упал на пол и начал креститься; крестьяне, невольные товарищи Симона, побелели как мука; стук сделался еще громче.

— «Ах Господи,» сказал дьячек приподнимаясь, «мертвец не хочет чтобы его видели и сердится за то, что мы осмелились его отыскивать. Нет! нет! я ни за что в свете не хотел бы жить в этом доме; вот уж можно сказать истинное несчастье!»

— «Ты все не то говоришь,» сказал отважный Симон; «надобно опять лезть на верх, но только уж без свечи!»

— «С нами крестная сила! вскричали почти в один голос оба крестьянина и дьячек, чтож касается до хозяина, то он молчал и стоял как приговоренной к смерти.

Сколько благоразумный Симон не уговаривал, чтобы ктонибудь решился идти с ним, но никто не согласился. И так он пошел один.

Только что ступил он на чердак, как шум умолк. Симон облокотился на перекладину и в глубоком молчании начал прислушиваться.

С минуту спустя, шум начался снова и Симон явственно услышал что что-то катается близь ног его. Он тихонько наклонился и начал ощупывать, чтобы это было и тотчас поймал нечто круглое, которое катилось по помосту чердака.

— «Ага! так вот что так здесь шумело, так вот и мертвец!» — закричал Симон.

Четыре его товарища, стоявшие внизу, услышали, что Симон поймал мертвеца, побледнели и думали уже, что наступил последний час их.

Симон сошел вниз и показал им, что он поймал на верху.

Долго никто не осмеливался взглянуть ни на Симона, ни на то, что снес он; наконец они взглянули и увидели, что это была толстая, глиняная фляга круглой формы и крепко закупоренная.

— «Ах Боже мой!» вскричал Студент, «да это любимая фляга моей покойной Груши; назад тому с полгода или более как она наполнила ее ячменем, желая сделать для меня на зиму питье, но не успела моя голубушка: она захворала, а фляга все стояла наверху. Когда ей покойной было уже очень тяжело, тогда, не помню, за чем-то пошел я наверх и, увидев флягу не заткнутую, закупорил и положил на пол. Добрая моя Груша, это верно она в отмщение моей дерзкой несправедливости, поместилась во флягу и катала ее, доказывая свою невинность и напоминая как она меня любила и заботилась о мне. Но чтож мы будем делать! Как ее принудить выдти?.....»

— «Постой сосед,» сказал Симон, «я знаю как ее отсюда выгнать.»

Он положил флягу на пол и чрез несколько секунд фляга быстро сама собою покатила по полу. Все задрожали, но Симон улыбнулся.

Он взял толстое полено и сильно ударил по катающейся еще фляге. Она развалилась и из ячменной щелухи, рассыпавшейся по полу, выскочила большая крыса, которая тот же час и убежала сквозь щель в подпол.

Хозяин, дьячек и крестьяне стояли разинув рот и не видали света Божия от страха.

— «Ну Г. Студент,» сказал улыбаясь Симон, «теперь дом твой очищен от мертвецов и шуму более не будет.»

— «Но мертвец еще в доме,» сказал Дьячек, «мы своими глазами видели как он, приняв вид какого-то дымчатого чертенка с предлинным хвостом и острыми ушами, скрылся в подпол.

Сколько ни заверял Симон, что это была крыса, которая вероятно забралась к ячменю во флягу, когда она стояла не заткнута и свила там себе гнездо; и что можно ясно видеть, что студент во время болезни его жены, огорченный и в поспешности закупорил флягу, не выгнав от туда крысы, которая теперь как белка в колесе хотела освободиться, бегала по фляге и катала оную по помосту, но не мог уверить никого.

Студент, скоро после сего , хотя уже шум и прекратился совершенно, продал свой дом и переселился на квартиру.



V.

РАУЛЬ ВОЛШЕБНИК,

Сказка из рыцарских времен.

Кабалисты, магики и знаменитые волшебники древности утверждают, что весь свет наполнен такими невидимыми существами, которые повинуюсь власти высшей, служат людям и иногда вредят им.

Они разделяют существа сии на разные роды; именно: Саламандры, говорят они, живут в огне; Сильфы в воздухе, Гномы во внутренности земли а Руссалки и Нимфы в воде. — Множество чудес рассказывают об этих существах, которые у совершенных Кабалистиков в совершенном послушании.

Они-то в сей сказке играют главную роль.

В старья времена жил один рыцарь прекрасный собою, храбрый, честный и чувствительный: имя его было Граф Пуатье. Ему было не более 28 лет; но, известный праводушием и всеми прекрасными качествами, он заслужил от всех любовь и почтение. Граф несколько лет питал пламенную любовь к прелестной Леонтине Невер.

Ныне с любовью не то происходит, что в древности: ныне молодые люди полюбили друг друга; родители или родственники составили рядную, сообразили итоги доходов любящихся, да и в церковь. — Конец делу. В старину было не то: влюбленные по несколько лет питали взаимную страсть, старались многими опытами доказать непоколебимость своего священного чувства; старались делами приобрести себе почтение любезной, и в награду постоянства своего и дел отличивших его от прочих, получает руку своей любезной. — Такое терпение ныне не в моде.

Граф Пуатье, также как славный рыцарь, искал приключений, побивал великанов, задушал мощною рукою чудо-

вищ, ниспровергал тиранов, защищал невинность и все еще не почитал себя достойным обладать прекрасною Леонтиною; однакоже осмелился попросить у Графа Невера руку его дочери. Неверу приятно было сие предложение: он согласился, но просил его прежде свадьбы быть участником в начинающейся войне с соседом его, Графом Раулем, делающим многия насилия его подданным. — «Ваша рука,» прибавил он, «благородный рыцарь, должна наказать сего злодея отступника и колдуна.»

Рыцарь, одушевленный надеждою получить руку своей возлюбленной, поклялся своему тестю честью, что отмстит изуверу Раулю. — Поход назначен чрез три дни. Рыцарь посвятил время сие на прощанье с Леонтиною, на уверение, что сею победою сделается он еще достойнее руки ея и на приуготовление к походу.

Настал назначенный день 1-е Маия. 200 всадников и 500 воинов пехоты, под начальством Графа Пуатье, выступили против соседа-Волшебника.

Вечером того же дня войско сие остановилось на ночлег близ леса; рыцарь послал передовых узнать в каком состоянии находится неприятель, а сам, вступая в лес, лег под деревом и крепко заснул.

Около полуночи, когда все войска погружены были в глубокой сон, рыцарь почувствовал, что его будят, и что рука, дотрогивающаяся до него, чрезвычайно нежна. Он открыл глаза, но не видя около себя при свете полной луны никого, почел это приятным сном и опять заснул; скоро почувствовал он, что та же рука снова будила его и уже сильнее прежнего.

— «Вот что удивительно,» вскричал рыцарь, вскочив с земли и озираясь кругом, «ктоб это был, кто меня будит.»

— «Роберт!» сказал нежной голос, «следуй за мною!» Туж минуту Граф приметил впереди себя идущую стройную женскую тень. Он не колеблется, берет в руки меч свой и идет за тенью, пробираясь сквозь чащу леса, по скалам и наконец достигает прекраснаго грота.

Тень остановилась, но рыцарь не видит самага предмета и удивляется.

— «Благородный рыцарь,» сказала она, «я знаю благородство твоего сердца; поклянись мне исполнит то о чем я буду просить тебя.»

— «Клянусь,» отвечал Роберт, «если только требование твое не будет противно Богу, моей любезной и моей чести, клянусь исполнить.»

— «Непротивно!» отвечала тень и рыцарю послышался тяжелый вздох.

— «И так говори. Я готов все исполнить.»

— «Через год и точно в сей день обещай мне придти на это место.»

— «Обещаю!»

— «И так,» сказала прекрасная женщина, явившаяся вдруг на месте тени, возьми этот меч и сей щит, они заколдованы и спасут тебя от многих опасностей. Прощай и помни, что нечто великое тебя ожидает.»

Дама исчезла как призрак — удивленный Роберт, взяв щит и меч, возвратился в свой лагерь.

Начало разсветать и войско выступило за границу Графства, а к вечеру остановилось против лагеря неприятельского.

Пред восходом солнца войска готовы были вступить в бой.

— «Товарищи, друзья!» сказал старый Граф Невер войску своему, пред коим разъезжал он на гордом коне, «знамена развернуть! поддержим славу нашего орудия. Мы идем против свирепаго Рауля; пусть слава увенчает справедливый наш подвиг новым успехом, пусть день сей будет последним днем жизни изувера-Рауля, не почитающего ни прав рыцарства, ни законов чести, ни человеколюбия.»

— «Вперед!» вскричал Роберт; — вперед закричало все войско! — Роберт со всадниками первый врубился в густые ряды неприятеля. Вскоре оба войска смешались.

Рауль был отменно храбр и уже несколько раз покушался отнять владения соседа своего Графа Невера, но его предприятия всегда были тщетны. Теперь он, собрав многочисленное войско, решился одним ударом сокрушить Невера; — но войско Невера, под предводительством рыцаря

Пуатье, дралось подобно львице, защищающей детей своих.

Однако же центр войска, где был сам Невер, начал колебаться от сильного напора Рауля. Роберт, которому везде предшествует победа, летит к центру и ищет глазами самого Рауля — войско, ободренное рыцарем, исправилось и началась ужасная сеча, но рыцарь все ищет Рауля.

Храбрый Рауль, озлобленный неудачей, является сам впереди своих, и подобно разъяренному тигру, истребляет все на пути своем.

— «Бездельник!» вскричал Роберт, увидя его, «защищай жизнь твою, если не имеешь уже чести!» и метким ударом копья своего вышиб его из седла.

Воины Рауля составили около его тесный круг, и помогли ему снова сесть на коня.

В страшном бешенстве Рауль летит на ожидающего его соперника и начинает бой. Около часа продолжали биться и ни один из них еще не был ранен; наконец Роберт чудесным мечем своим наносит сильный удар по шлему своего противника: шлем разлетелся вдребезги; но Рауль, которого Роберт полагал видеть поверженным, с легкостью сержны, соскочил с коня и в виде лешаго как вихрь оставил поле битвы.

Роберт, удивленный сим превращением, стоял как окаменелый, а войско Рауля, видевшее бегство своего начальника, пришло в беспорядок. Граф Невер туж минуту сделал сильный натиск, совершенно разстроил неприятеля и овладел всем владением волшебника — все поддалось Роберту и отцу Леонтины, которые с торжеством возвратились на 8-й день в свои владения.

Кто может вообразить ужас победителей, когда, взошед в местечко Невер, вместо радостных восклицаний были встречены слезами и воплем. Все дома покрыты мрачным трауром. Сердце Роберта что-то предчувствует. Он спрашивает, и временной начальник Невера прерывающимся голосом извещает его, что победа дорого им стоит; ибо прошедшую ночь ворвалось во дворец чудовище и похитило прекрасную Леонтину.

Если весть сия поразила ужасною скорбию сердце отца, то каково было жениху Графу Пуатье? — Граф расспрашивает о чудовище и ему описывают его точно таким в каком виде убежал от него Рауль. — Как рыцарь, он не предался бесплодной горести, но решился искать свою любезную во всю жизнь, и на пути своем истреблять всех волшебников.

Оставя Невера предаваться неутешной горести, он поворотил коня своего, сорвал с шишака своего белое перо и пустился в путь.

К ночи он приехал опять к тому же лесу, где видел тень. В надежде узнать что либо, ибо ему здесь предсказали нечто таинственное, он ложится под тем же деревом, но уже не спит, ибо горечь сильно давила его сердце.

В полночь явилась ему таже дама, которая подарила ему меч и щит. — «Встань,» сказала она, «следуй за проводником, которого даю тебе и помни, что ты обещал чрез год придти на это место. »

В нескольких шагах от себя, увидел Роберт огненного змия. Рыцарь вскочил на коня и пустился за сим проводником, благодаря душевно незнакомую благодетельницу. — Всю ночь ехал он за светящимся проводником своим.

Пред рассветом, змей вошел в какую-то темную и узкую пещеру. Роберт привязал коня и безтрепетно пошел в след за змеем. После многих изворотов в подземельном ходе, вошли они чрез трудное и узкое отверстие в грот, освещенный лампою.

Здесь встретили их множество гномов и лучшие из них, окружа рыцаря, сказали ему: — «Царица Сильфон, которая прислала вас сюда, приказала нам служить вам; мы охотно повинемся, потому что надеемся видеть вас некогда в связи с одною из сестр наших, которую любовь ваша сделаешь бессмертною, а между тем небу угодно, чтобы вы нашли свою любезную. Ободритесь; через час вы ее увидите.»

Удивленный и обрадованный Роберт хотел благодарить маленьких гномов, но они ласково откланялись от его благодарности, взяли его за руку и повели во внутренность земли, которая пред ними отверзалась сама собою. После

краткого, но трудного пути, вошли они в подземелье старой башни, куда спрятал Рауль Леонтину.

Роберт увидел ее сидящую на камне. Тяжелые цепи были на руках и ногах ее. Рауль, в настоящем его образе, сидел у ног ее и крепко спал. — Роберт не в силах был удерживать своего восторга: он бросается к ногам своей любезной и осыпает ее поцелуями. Радость молодой Графини была неописанна: увидев своего рыцаря, она почитала себя спасенною. Любовь немногоречива, она могла только сказать ему, что Рауль пылает к ней страстию и поклялся употребить все волшебные силы для сбережения ее и преклонения к любви.

Скоро пробудился Рауль, бросает взгляд и, увидя рыцаря там, где никогда не думал видеть никого, удивляется, протирает глаза и видит, что это не сон. Туж минуту хващает он свой волшебный жезл, махает и вся пещера наполняется дымом и пламенем, но благодетельный гном поднял палец над своею головою и очарование исчезло. Рауль, еще более удивленный, махнул в другой раз; вдруг со всех сторон явились множество ужасных змий, жаб, летучих мышей и филинов которые все бросились на рыцаря. — Благодетельный гном ударил в землю ногою, и земля поглотила всех сих гадин.

— «Рыцарь ! обнажи теперь меч твой,» сказал гном.

Рауль догадался, что рыцарь покровительствуем сверхъестественною силою, принял тотчас вид лешаго и стал против него смело, держа в руках ужасную дубину. Рыцарь с великим искусством избегал каждого удара и старался поразить противника, но Рауль был увертлив. Бой час от часу становился жарче. Наконец рыцарь, сильным ударом волшебного меча своего, отсек одну лапу лешаго. С сим ударом очарование разрушилось, и Рауль без руки стоял пред победителем. Сильно стон его злобы потряс стены пещеры. Он просит пощады и великодушный рыцарь дарует ему оную; но гномы явились туж секунду, напали на волшебника, повергли его на землю и умертвили. Последний вздох ознаменовался страшным подземным ударом, подобным удару грома.

Земля поколебалась, и вдруг храбрый Роберт увидел себя с Леонтиною перенесенными во дворец Графства Невер к старому Графу. Кто опишет радость отца, увидевшего единственную любезную дочь его ? Он бросился к ней на шею и от радости лишился чувств.

После первых движений восторга, старый Граф приказал снять при дворе траур, объявить всенародно о своей радости. Вскоре устроен был великолепный турнир и через герольдов объявлено, что Граф Невер выдает дочь свою Леонтину Невер за храброго и благороднейшего рыцаря Пуатье. Все радовались! — Пир, предшествовавший свадьбе кончился; свадьба сыграна, и счастливый Граф Пуатье, благословляемый всем народом, повез супругу свою, прекрасную Леонтину, в свое Графство.

Радостные восклицания народа Графства Пуатье встретили молодых супругов, и новые пиршества ознаменовали сие соединение двух благородных и знатных Фамилий.

Минуло шесть месяцев счастливой супружеской жизни! Молодость супругов обещала долголетнее блаженство; но что вечно в подсолнечной? — Время и смерть расторгают и самые сладостнейшие узы! Леонтина сделалась нездоровой и после 9 дневной болезни оставила и супруга и весь мир. Великолепные похороны были последний долг, которой отдали отец, супруг и жители графства Пуатье, любимой всеми Леонтине с рыцарскою твердостью; но когда опустили гроб в землю, то печаль Роберта взяла верх над мужеством его и явилась во всей силе. Все думали, что он не переживет сего; все думали, что и супруг последует за своею любезною Леонтиною. — В сих обстоятельствах старшины народные, собравшись, явились к своему огорченному Графу, которого любили они искренно, и убеждали его утолить печаль свою и подумать о скорби народной.

Несчастливая любовь уступила любви народной. Мужество Роберта возбудилось, и он вступил со всею деятельностью в управление Графством и в устройство народного блага; но печаль все еще видна была на лице его.

Приблизилось 4-е Мая. Граф Роберт вспомнил о данном им обещании и хотя чувствовал еще, что несовершенно-

но оправился от болезни, но отправился в лес.

Он привел себе на память счастье, которым наслаждался он, питаясь надеждою получить руку своей возлюбленной, и проливал горькия слезы о потере онаго. — Севши под тоже дерево, под коим, год тому назад, был он разбужен сладостным голосом благодетельной тени, он не мог заснуть по прежнему. Уже довольно протекло ночи, как тень явилась пред ним и, назвав его по имени, вывела из мрачной задумчивости.

Он последовал за тенью и пришел в прекрасный грот, где увидел даму ему покровительствовавшую. Она сказала ему :

— «Граф Роберт! небо сжалилось над тобою, оно тронулось скорбию твоею, полагает конец твоим страданиям и возвращает тебе твою супругу.»

Роберт не верит ушам своим, обращает вокруг себя взоры, и в тени, бывшей ему путеводителем, узнаешь свою Леонтину.

Он пал на колени, хотел говорить что-то, но радость сделала его немым. Снова сомневается, спрашивает Леонтину, точно ли это она, или не одна ли только тень ея?

— «Нет!» отвечала Леонтина, «я не тень, я живу, твоя любящая супруга!» — Роберт узнал голос, удостоверился, схватил ея руку, осыпал ее поцелуями.

Дама-покровительница махнула рукою; при входе явилась прекрасная колесница, и дама проводила Роберта и Леонтину в Графство Пуатье.

Радость народа была неописанная, все благословляли небо за оказанное чудо. Щастие возвратилось в сердце Роберта и во все его владения.

Протекло пять лет как пять дней блаженства. Трое детей были плодом оных и укрепили еще более связи супругов. — Царствующий повсюду мир заставил Роберта заняться украшением своих владений. В маленьком городке его Графства, Лузиньяне, построил он прекрасной замок и восточную башню избрала Графиня местом своих уединенных занятий; она упросила супруга украсить оную, и желание ея исполнено в полне.

Старый Граф Невер, разделявший печаль и радость своего дитя, время от времени навещал детей своих, и также часто Леонтина проводила в замке его по несколько дней.

Однажды Роберт, возвращаясь с охоты, увидел всадника присланного Графом Невером передовым для объявления о его приезде. Роберт бежит уведомить супругу, но не найдя ее в ее покоях, бежит в Восточную башню, отворяет быстро дверь и видит жену свою и Даму-покровительницу его сидящих вместе; но каково было его удивление, когда увидел он их обеих в виде Сильфов! — Красота их превосходила человеческую, молодость казалась неувядаемою и словом все в них было нечто сверхъестественное. Изумленный рыцарь стоял неподвижен, он не знал, что сказать, что подумать.

— «Успокойся сын мой,» сказала Дама-покровительница, «я мать твоей супруги и слава моя, которая должна была некогда покрывать дочь мою, уже и теперь покрывает ее и ... то я вместе с нею. — Смотри!»

Роберт взглянул в подставленное ему зеркало и не мог узнать себя: — так изменился он.

— «Этого довольно!» продолжала Дама-покровительница, «наслаждайтесь вашим счастьем. Простите.»

Она исчезла, а дочь ее туже минуту приняла все черты Леонтины.

Роберт тотчас уведомил о приезде родителя, и они оба поспешили ему на встречу.

Настала ночь. Роберт размышлял о виденном им чудесном приключении, был мрачен, спал безпокойно, рано встал с постели и пошел ко гробу своей Леонтины. Там приказал он открыть гроб, осмотрел труп умершей и возвратился домой еще мрачнее прежнего.

Супруга встретила его. Он затрепетал при виде ее. Леонтина пожелала знать причину столь странной перемены и Граф после долгих отговоров признался.

— «Время,» сказала супруга, «открыть тебе все таинства, я не Леонтина, но дочь Царицы Воздуха и называюсь Мелузиною. Мать моя, которая не могла быть равнодушна к твоим добродетелям, знала твою участь и смерть Леонти-

ны; она решилась утешить тебя для блага твоего народа. Я явилась во время сна твоего в виде тени, увидела тебя и полюбила; — мать моя одобрила мой выбор; потом я провожала тебя в пещеру, в которой победил ты Рауля. Когда смерть лишила тебя твоей супруги, то с позволения матери моей я приняла вид Леонтины. — Вот вся тайна, она заслужила твою нежность и я не менее ея; смотри кто я !»

В минуту Роберт увидел пред собою Сильфу точно в том виде как видел он в башне. — Роберт трепетал. Мелюзина коснулась до него рукою и очарование исчезло. — Роберт успокоился и любил в Мелюзине свою Леонтину.

Вскоре после сего вдруг раздался по всему городу вопль ужасной печали. Придворные нашли Графа Роберта и мнимую Леонтину мертвыми в их спальне. Старый Граф положил их в один гроб, предал земле и сам не пережил сего горя. Он также помер.



ЧОРТОВ МОСТ.

Один архитектор, надеясь приобрести значительные выгоды, принял на себя обязанность построить каменный о нескольких арках мост чрез реку близ города Муссона. Он надеялся, что Магистрат города, увидя начало моста, не откажет выдать ему часть выговоренной суммы; но надежды его не исполнились. Уже было положено основание, уже возвышены были до половины все арки, как Ришард — так именовался архитектор — по требованию работников, выдавая им плату, увидел весь капитал свой совершенно истощенным и — работа остановилась.

Ришард видел, какая ужасная участь ожидала его: он видел себя не только разоренным, но и потерявшим доброе имя и доверие публики, если предприятие его останется не выполненным, видел наконец торжество своих соперников, и в сих стесненных обстоятельствах решился прибегнуть к своим приятелям; — но — как водится в свете — ему везде отказывали под разными предлогами.

Обегав всех своих друзей и знакомых, Ришард возвратился домой; всю ночь продумал он о средствах к поправлению своего положения; но тщетно — ему не представлялось никакой возможности. Наконец решается он на последнее средство, хотя впрочем и мало надежное. Он любил и был взаимно любим одною вдовою, имевшею прекрасный характер и доброе сердце, но не богатою. — Он решился сообщить ей о своем горестном положении. Добрая вдова, не дав ему еще почти кончить рассказа, тотчас вручила кой-какия оставшиеся после первого ея мужа драгоценныя безделки, серебряную свою посуду и 200 ефимков. — Это было все, что только она имела и что могла отдать своему любезному, но несчастному Ришарду — хотя этого было весьма недостаточно на сделание оборота и поправление его

обстоятельств, однако же он был весьма доволен, ибо видел в сем случае верный опыт любви к нему его любезной.

Он возвратился домой в совершенном отчаянии, ибо теперь уже не имел он никаких средств к получению пособия. Предавшись самым мрачным мыслям, он сел к своему столу и проклинал себя за необдуманность своего предприятия. Было уже около полуночи. Небо покрылось тучами. Поднялась буря, сопровождаемая ужасною грозой. Но ни сильные порывы ветра, ни оглушающие удары грома не могли пробудить в Ришарде никакого чувства: он сидел облокотившись: смотрел во все глаза и не видал ничего, думал и сам не мог понять о чем, слышал удары грома и не мог понять, что это. Так сильна была его горесть!

Вдруг завыл вихрь пуще прежнего; окно отворилось с треском и в комнату влетела летучая мышь с весьма широкими крыльями, облетела около Ришарда и погасила стоящую пред ним свечу. Ришард опомнился, встает. Комната его вдруг осветилась каким-то красноватым светом, и он увидел пред собою, вместо летучей мыши, удивительное существо, похожее на Сатиров, то есть с козлиными ногами, мохнатое, с рогами, с длинным хвостом и с огромными разпростертыми крыльями. В левой руке сего чудовища был лист пергамента, а в правой железное перо.

— «Кто ты?» спросил Ришард.

— «Я демон богатств, отдай мне твою душу и требуй какой хочешь суммы; туж минуту ее получишь.» Удивленный Ришард задумался.

— «Ты не решаешься? Подумай, что завтра будет уже поздно прибегать к моей помощи. Пользуйся ею теперь! Впрочем я снисходителен: я даю тебе время наслаждаться твоим богатством и славою, и даю именно 12 лет, после чего приду за тобою.»

Сначала Ришард не хотел отдать души своей демону, но размыслив, что без сего он погибнет, и что в течение 12 лет он может быть найдет какой-либо случай освободиться от когтей демона, трепещущею рукою взял железное перо, проколол себе руку и кровию своею подписал на пергаменте, требуя за сие от нового своего владетеля наполнить ком-

нату его золотыми монетами хорошего достоинства.

Дело сделано. Дух исчез, и чрез несколько секунд явился в сопровождении целой сотни подобных ему демонов, но в меньшем виде, которые начали носить мешки золота, и скоро выполнили в точности договор.

Ришард успокоился, вышел из сей комнаты, запер оную и лег уснуть в другой, к его кабинету соседней.

В следующее утро он расплатился с работниками, удвоил число оных и в самом скором времени построил по плану своему прочный и прекрасный мост. — Городовой Магистрат тотчас выдал ему договорную сумму, и Ришард с торжеством явился в обществе.

Первым делом его было после сего отблагодарить вдову за любовь ея и пожертвование. Не теряя времени, он взял ее за себя и, как ни любил ее, однако же не сказал ей настоящего средства его скорого обогащения.

Счастливо жил он с обожаемою им Супругою, и мог бы почитать себя совершенно таковым, если бы время от времени не воспоминал бы он о том, что с каждым днем приближался ужасный срок его свободы и жизни на сем прекрасном свете.

Сколько мог, отдалял он от себя сии мрачныя напоминания, наслаждаясь любовию жены своей и выгодами богатства, и вместе с тем занимаясь воспитанием своего сына; но когда наступил последний срочный год, тогда Ришард предался совершенно тоске: приметно начал он худеть, делаться грустнее, и до такой степени упал духом, что совершенно, казалось, приближался к гробу.

Напрасно нежная супруга старалась узнать причину его горести: он никак не открывал оной. Напрасно старалась она разсеять печаль своего обожаемого супруга ласками: он сделался хладнокровен. Напрасно милое дитя, сын его, старался утешить отца своего: он не внимал ничему.

Настал последний роковой день. Ришард пригласил к себе всех лучших друзей своих, родственников жены своей и своего приходского Священника. Ришард, не имея никакой надежды спастись, но хотел по крайней мере объявить о случившемся с ним и распорядиться пред своим расста-

ванием домашними делами.

Вечером гости съехались, сели за стол. Ришард казался спокойным и послал свою служанку в погреб принести лучшего вина. Служанка взяв свечку, тотчас пошла исполнить приказание своего господина; как скоро спустилась вниз, к удивлению своему, увидела сидящего на бочке незнакомца. Он был собою высок и толст, одет в платье зеленого бархата, имел на голове красную шапочку и был очень мрачен видом.

— «Поди к твоему господину,» сказал незнакомец, «и скажи ему, что я требую его к себе. Он знает, кто я!»

— «Господин Ришард!» сказала вбежавшая, бледная и трепещущая служанка, «в погребе нашем сидит какой-то дурной человек и требует вас к себе!»

Ришард побледнел как смерть и дрожал всем телом; жена и все присутствовавшие вскочили, бросились к нему на помощь и просили его сказать, чего он так испугался.

Ришард, оправаясь несколько, рассказал всем свое несчастное приключение.

— «Боже мой!» вскричала как пораженная громом супруга, «уже ли ты погиб на веки?»

— «Тише, тише» сказал умный пастор, «будьте покойны. Попробуем, не отыщем ли мы средства к спасению? Правда, дело худо; но молитесь Богу.» — «А ты,» прибавил он, обратясь к служанке, «поди в погреб и от имени твоего господина попроси незнакомца сюда.»

Служанка повиновалась и тотчас возвратилась, сопровождаемая незнакомцем.

Священник встал с своего места и именем Всемогущего Бога приказал незнакомцу принять настоящий его вид — и туж минуту все общество увидело пред собою то страшное чудовище, которое, за 12 лет пред сим, явилось и обогатило Ришарда.

— »Дух тьмы!» сказал потом Священник, ознаменовав себя крестом, «именем Бога небесного, земного и подземного повелеваю тебе быть неподвижно до моего сюда возвращения!» Молча, пастор вышел и оставил в крайнем изумлении всех гостей, особенно самого хозяина, который

уже прощался с своею супругою. — Демон улыбался. Но вдруг вошел пастор и за ним дьячек нес чашу святой воды и чашу проса.

— «Дух тьмы!» сказал пастор, «ты соблазнил этого человека и имеешь право на его душу. — Это твое ремесло. Моя обязанность, сколь можно, защищать погибающего, и так поклянись мне, что ты не прежде возмешь его, как преодолеешь те препоны, какие я представляю, именно вот чаша проса. Я разсыплю его здесь, и ты должен все его собрать до зернышка — непременно.»

— «Клянусь!» отвечал демон, помолчав, и видя, что пастор разсыпал все просо по полу, и начал собирать оное, как самая проворная курица. Но только что, демон начал сие свое дело, как пастор, с умыслом оставивший в чаше несколько зерен проса, высыпал их в чашу со святою водою.

Демон увидев сие, подскочил к чаше и, зная, что снм средством уничтожилась его власть, завыл и провалился сквозь землю,

— «Слава Всемогущему Богу, милосердо спасающему погибшаго!» сказал пастор — и Ришард возвратился к жизни. Радость семейства его была чрезмерна.

Вскоре после сего архитектор купил себе новый дом, а сей оставил необитаемым; ибо отверстие, которое сделал демон, провалясь сквозь землю, ничем не могли заложить и никак не могли починить. Что же касается до моста, то демон сорвал одну арку онаго, которую никто не мог поправить, а потому и назвали его *мостом чортovým*.

VII.

ПРОВАНСКАЯ ГАБРИЕЛА.

За несколько времени до первого Крестового похода, Графство Прованс благоденствовало под управлением Государя справедливого и храброго. Славны были дела его по всей Европе; посребренные уже временем кудри головы его доставляли ему почтение всех его соседей. Теперь, когда бранная труба нигде не возвещала кровопролития, владетель Прованса трудился в составлении блага подданным его, и ежемесячно давал праздник, на котором в учрежденной карусели состязались храбрые рыцари, и получали награды от лучших дам сей области, между коими особенно отличалась дочь владетеля, юная Габриела.

Она была так прекрасна, как заря Майского утра. Длинные темнорусые волосы вились в искусственных, но прелестнейших локонах, по ее прелестной шеи. Все черты лица были образцом красоты совершенной и верным зеркалом чистой души ее и непорочного сердца. Вся Франция обожала Прованскую Габриелу.

Хотя история и предания средних веков описывают нам любовников тогдашнего времени самими завидными красками, однакож и тогда, как ныне, были такие, которые не хранили свято законов благородного рыцарства, не хранили ни законов чести, ни законов верности, а потому сердце Габриелы молчало, боясь изречь свой приговор. — Многие Князья и Графы старались ей понравиться, но ни один еще не имел надежды получить ее.

Рыцарь Альбин, племянник Графа Шампаньского, славился по Франции. Он был молод, но разум его, созрелый в трудах и учении, доставлял ему опытность старца. Душа его была благородна и тверда. Непоколебимый в предприятиях, твердый в привязанности, он презирал ветренность и непостоянство, как самые большие пороки. Наружность его была мужественна, характер пылок, поступки скром-

ны, храбрость в нужных случаях неограниченна. Страстям он не повиновался, а успел побеждать их. Сей-то рыцарь явился ко двору Графа Прованского.

На следующий день владетель Прованса учредил праздник в честь прибывшего Рыцаря. Решетка турнира открылась. Рыцари, бывшие тогда при дворе, открыли действие, и юный Альбин увенчался полною славою. Герой спешит положить лавры свои у ног Габриелы, подходит, подымает забрало и — тот, кого не мог победить ни один из рыцарей, видит себя побежденным любовию.

Альбин не любил еще никогда и не думал о любви. Одна дружба до сих пор имела алтарь свой в его сердце. Теперь сердце его предалось новому сильнейшему чувству. Он бросил взор на Габриелу, учтиво поклонился и отошел за решетку, совсем не таков, как вступил в оную. Он любил — и любил пламенно.

Габриела также до сих пор равнодушная, была сильно тронута; храбрость рыцаря, его твердость, его скромность и повсеместная молва о его добродетелях и славе не могли не подействовать на душу девицы, воспитанной в добродетели и славе.

Любовь зажгла свой пламень и в ее сердце.

Протекли восемь дней. Любовь с обеих сторон усилилась и превратилась в пожирающий, неугасимый пламень.

В 9й день Граф дал новый турнир: Альбин снова покoryлся славою, и как никто не мог победить его, почему судьи турнира, в числе коих первое место занимал сам владетель Прованса, проименовали Альбина *Рыцарем ужаса*, а Габриела назвала его *Рыцарем любви*.

Между тем пустынный Петр уже начал возбуждать всех к отнятию Палестины из рук неверных; пробудил от мирного бездействия многих Государей, воспламенил Рыцарей, и храбрые Прованцы были не последними в сем важном и почти всеобщем вооружении.

Дядя Альбина, Граф Шампанской, принявший участие в сем 4-м Крестовом походе, требовал возвращения племянника своего, который по распоряжению его долженствовал начальствовать с родителем его, Шампанским войс-

ком, назначенным для завоевания Святой Земли.

Лестно было повеление сие для славы Альбина, но убийственно для любви его. Ему надлежало разстаться с тою, которая занимала всю мысль его и чувства. — Тяжело было рыцарю, но мужество и слава еще обитали в сердце героя: он повиновался, решившись однакоже до своего отъезда открыть любовь свою, и поклясться в вечной верности.

Вечером сего же дня, прогуливаясь в дворцовых садах, Альбин случайно встретил Габриелу и не хотел упустить случая: он открыл всю силу своей страсти.

— «Может быть,» сказал он наконец, «вы не примите моего сердца, которое бьется только для вас; по крайней мере, когда иду в опасности сражений, не будьте столь жестоки, чтобы отнять всю мою надежду; но если любовь моя вам совершенно противна, то прошу вас, прекрасная Габриела, скажите это откровенно. Я вдамся в большие опасности, буду искать себе смерти; пусть она накажет виновного! пусть накажет она меня за то, что я дерзнул полюбить прекрасную!»

Он кончил. Кроткая Габриела была в замешательстве, которое ясно показало Альбину, что он счастлив. Восхищенный рыцарь клянется в вечной верности.

Между тем наступила ночь. Любящиеся пылали страстью; были оба молоды, не знали и не предвидели ничего, кроме счастья и любви. Ночь и густота рощицы благоприятствовали; они предались восторгам любви... Опускаю завесу скромности!... Они повторили клятвы любить друг друга, простились и разстались.

На следующий день Альбин оставил двор Прованский, прибыл ко двору дяди своего и с соединенною армиею, под начальством умного и храброго Годфрида Бульонского, выступил в поход.

Граф Прованской пылал желанием идти на неверных; но преклонные лета его не допускали его до участия. С несколькими рыцарями и небольшим числом войск остался он в областях своих.

Габриела день и ночь думала о любезном своем Альбине. Часто ходила она в рощицу, где испытала первую лю-

бовь, там втайне проливала она слезы, там доставала она кольцо, подаренное ей Альбином, как залог верности, осыпала оное поцелуями и молила небо сохранить жизнь ея любезного.

Но небу угодно было испытать ея твердость и наказать слабость любви.

Соперники *Рыцаря ужаса* возобновили скоро свои старания получить руку прекрасной Габриелы и решились даже, в случае отказа, получить ее силою оружия. Граф Теобальд, один из богатейших и могущественнейших владельцев первый попросил у Графа Прованского руки его дочери. Союз сей весьма приличествовал тогдашним обстоятельствам обоих владений, и отец Габриелы согласился, прося однакож Теобальда стараться снискать любовь его дочери и обещая свершить брак чрез 2 месяца.

После сего разговора старый Граф пошел к своей дочери и решительно объявил ей свою волю, сказав притом, что таковой союз и полезен для областей и приносит большую честь.

Слова отца в тогдашнее время были священным законом дочери; но удар грома не мог бы столь сильно поразить Габриелу как весть сия; она предалась слезам, пала к ногам родителя и умоляла его не быть жестоким. Старый Граф вскоре из слов дочери понял, что сердце ея занято, предался гневу и требовал, чтобы дочь его наименовала того дерзкого, которой осмелился без его согласия полюбить ее. Габриела призналась; тогда отец ея под проклятием запретил ей и мыслить о Альбине, требовал повиновения и приказал почитать Графа Теобальда ея супругом.

Вскоре явился к Габриеле Теобальд, и сделанный ему прием ясно доказывал, чего он должен был ожидать в будущем; но гордый жених полагал, что брак и время могут изменить неблагоприятныя обстоятельства.

Время быстро летело Габриела знала уже, что она сделалась беременна и тем более еще утвердилась в мысли оставить дом родительской. Оставалось только две недели до назначеннаго отцем ея срока, и приготовления к свадьбе шли весьма деятельно. Габриела решилась в сей же вечер

бежать. Она исполнила свое намерение, но по несчастью одна из прислужниц, которую Габриела не удостоила своей доверенности, открыла в тот же вечер побег ее старому Графу.

Немедленно послана была в след за Габриелой погоня.

Несчастливая любовница Альбина, долго бродивши в окрестности, пришла наконец в лес; здесь утомленная усталостью, и углубясь далее в лес, села она и предалась горести. Одна в целом мире, оставившая дом родителя, преследуемая может быть проклятием отца, разлученная с тем, кто обитает в ее сердце, без всякой помощи, что оставалось ей делать? Воспитанная в неге, могла ль она надеяться снять хлеб трудами рук? Конечно нет, и тем убийственнее было для нее непостоянство счастья.

Она утопала в слезах, терялась в мраке мыслей..... как вдруг слышит голос: — *«Габриела, Габриела не унывай; счастье и несчастье на сем свете скоро преходящи!»*

Она вскакивает, оборачивается в ту сторону от куда слышит голос, и видит белое привидение, которое туж минуту исчезло.

Сие видение успокоило несколько дух ее, но кто опишет ужас ее, когда чрез полчаса она увидела толпу всадников, предводимую Теобальдом и прямо, во весь опор, скачущую к ней. Она хотела бежать, но было уже поздно. Ноги ее подкосились и она упала на зеленый дерн, смоченный ее слезами.

Граф Теобальд поднял Габриелу, посадил на лошадь и, поддерживая во всю дорогу, но не говоря ни слова, привез во дворец Прованский. Гневный отец хотел было осыпать дочь свою упреками; но видя, что она чрезвычайно слаба и больна, оставил сие до другого времени, а между тем приказал положить ее в постель и лекарю стараться о ее выздоровлении.

Теобальд и теперь не терял надежды: он полагал, что время есть отец любви. Старый Граф уверял его в том же.

Долго была больна Габриела и величайшия пособия могли только возратить ее к жизни. Лекарь тотчас заметил беременность молодой Графини, но не говорил о сем

никому; наконец, когда она совершенно оправилась от болезни, тогда лекарь должен был все объявить отцу, да и само время доказывало то; ибо было уже 6-й месяц, как *Рыцарь ужаса* оставил двор Прованский.

Новость сия привела в бешенство старого Графа: он поклялся омыть стыд свой кровию преступников, и тотчас приказал взять дочь свою под стражу.

Теобальд, узнавший о сем, уподоблялся разъяренному тигру, уязвленному стрелою охотника и стремящемуся пожрать жертву его озлобившую. Он требовал суда, требовал мучительной смерти преступнице.

В самом деле судьи были собраны; старый Граф занимал между ими первое место; потребовали преступницы, и Габриела явилась обремененная цепями.

Она призналась во всем и старый Граф без малейшего содрагания произнес ей смертной приговор!

Из среды судей один старый рыцарь сказал следующее: — «Законы рыцарства требуют в подобных случаях отлагать казнь до 7 дней и ожидать, не явится ли кто либо из рыцарей защищать осужденную. Мы должны это исполнить.»

Теобальд не согласился, но большинство голосов в собрании судей превозмогло.

Габриела содержалась под самым строгим присмотром. — Шесть дней протекли в слезах самых горьких и не было ни кого, кто бы вызвался защищать несчастную.

Настал седьмой день. Герольды возвестили народу, что час казни приближается, что преступная Габриела должна быть живая зарыта в землю. Открыли ристалище, и свирепый Теобальд, бросив перчатку, ожидал дерзкого защитника. Защитник не нашелся между присутствующих; но вдруг на вороном коне и в черных доспехах со щитом, шлемом и шарфом тогож цвета является рыцарь. — Забрало его опущено, почему и нельзя было видеть лица его. — Он подъехал к Графу и Габриеле, поклонился, с отменною ловкостью соскочил с коня, поднял перчатку, сел снова на седло и начал с Теобальдом бой.

Сильно нападал Теобальд, и, казалось, готов был поразить противника смертным ударом; но проворный черный щит незнакомца с необыкновенным искусством отражал удары; наконец черный рыцарь сам начал наступать и одним ударом пронзил насквозь Теобальда.

Еще окровавленный труп его трепетал на песке турнира, как брат Теобальда, гигантского роста, явился против чериаго рыцаря, пылая отмщением, но три жестокия раны и смерть были его уделом.

Таже участь постигла еще других рыцарей. Тогда старый Граф сам сел на коня и выехал в средину; черный рыцарь преклонил копьё и отказался от боя.

— «Трус!» закричал Граф, «ты боишься умереть?»

— «Граф!» сказал рыцарь гробовым голосом, «я доказал уже, что Виктор Шампанский не трус!»

— «Виктор Шампанский,» прервал Граф..... «Он лишился жизни в Палестине.»

— «Боже мой!» шептала Габриела, «Виктор Шампанский, отец моего супруга!»

— «Рыцарь!» сказал, помолчав, старый Граф, «ты нас обманываешь; повелеваю тебе поднять твоё забрало!»

— «Я мог бы не страшиться и презирать твои угрозы,» отвечал черный рыцарь, «мог бы превозмочь все твои усилия, но ты хочешь?... Смотри же.»

Он поднял забрало и все присутствовавшие с ужасом увидели в лице рыцаря мертвеца. — Всеобщее молчание.

— «Прованцы,» продолжал ужасным голосом мертвец рыцарь. «Я первый вступил в святую землю и первый пролил на ней кровь мою. Сын мой бился подле меня и ужасал неверных; — я знал любовь его к прекрасной Габриеле. Благое Провидение вняло молению несчастной вашей Графини, страдавшей от неумолимаго отца и жестокаго Теобальда. Бог повелел мне наказать злодеев, и я исполнил повеленное Тем, Которой говорит нам: *кто из вас безгрешен, тот вергни в нее камень.* — И так, если милосердый Бог простил ее, уже ли вы не прощаете?» —

Рыцарь кончил и исчез. — Все присутствовавшие объявили Габриелу прощенною. Старый Граф, смущенный более

прочих, возвратился во дворец. В тот же день, при закате солнца, сидел в беседке сада своего старый Граф и, погруженный в думу, раскаивался в своей вспыльчивости, как вошел к нему пустынный Петр. Граф изумился и с величайшим почтением принял того мужа, который умел возбудить всех и образовать Крестовые походы.

— «Какое счастье, Святой отец?...» сказал Граф.

— «Твое и твоих детей,» отвечал Петр, «привели меня в замок. — Виктор Шампанский, положившей живот свой в Палестине, явился ко мне из областей смерти, открыл мне все, что долженствовало происходить здесь сегодняшний день, и именем Бога повелевал мне самому отвезть сюда сына его Альбина, увенчавшагося первыми и лучшими лаврами побед в Палестине. Я повиновался и, предстоя предшобою, прошу за храброго Альбина и прекрасную Габриелу.» —

В сию минуту вошел Альбин и бросился к ногам неумолимого Графа. — Граф смягчился, и убежденный пустынным Петром, не смел ни осыпать укоризнами, ни не соглашаться: он позвал дочь свою.

Трепещущая, неверящая самой себе, явилась Габриела пред родителя и Альбина. — Кладу перо мое: оно слабо к изображению восторга любящих и счастливых.

Вскоре и еще в присутствия пустынного Петра свершился брак *Рыцаря ужаса* с прекрасною *Габриелою*.

РАЗБОЙНИЧЬЯ КАЗАРМА.

Один Еврей, промыслом купец, возвращаясь из дальнего путешествия, проезжал огромный и дремучий Лоренский лес. Хотя ему многие, знавшие сию дорогу, не советовали пускаться по лесу ночью; но как он спешил скорее увидиться с родными своими в городе Авалоне, и имел еще часа полтора времени до сумерки, притом был на хорошей лошади и сопровождаем верною своею собакою, почему и пустился в путь.

Дорога была весьма дурна, наполнена оврагами и рытвинами. Скоро наступила ночь, а купец не проехал еще и половины дороги. Скоро послышался ему по близости какой-то шорох и шопот людей; он ударил лошадь, она поскакала, но, оступясь в рытвину, упала. Туж минуту подскочили к нему трое вооруженных с головы до ног разбойников, которые, приставя к горлу его кинжалы, требовали отдачи всех находящихся при нем денег; а как это был плод необыкновенных усилий и трудов, следовательно купцу это было весьма неприятно. Он сопротивлялся.

В сие время верная собака бросилась на того, кто более других тормозил ея господина, схватила его за горло, повергла на землю и начала грызть немилосердно. Двое разбойников, ожидая и себе подобной участи, двумя пистолетными выстрелами поразили верное животное и бросились на помощь к товарищу.

Пользуясь сим случаем и темнотою ночи, купец бросился в густоту леса и почти мертвый от страха пал в ров, наполненный хворостом — и притаился. Он слышал, как разбойники ходили около и искали его, проклиная собаку, заставившую их упустить такую добычу.

Все стихло. — Разбойники отделились, как почитал купец, слыша голоса их в отдалении. — Тогда он тихо припод-

нявшись, осмотрелся и пошел около дороги, пробираясь опушкою леса.

В четверти мили от места, где лежал он спрятавшись, находилась одна небольшая корчма; в ней светился огонек. Купец постучался: ему тотчас отворили.

Страшная физиономия корчмаря и сына его, с первого взгляда, обещала что-то дурное; их забрызганное кровию и грязью платье еще более смутило Еврея. Устрашенное его воображение точно представило ему корчмаря одним из тех разбойников, которые напали на него в лесу, но там, за темнотою, не мог он приметить лиц их. С беспокойством в душе, но с притворным спокойствием в наружности, вошел он в весьма нечистую избу и сел у стола. Вскоре вошла хозяйка, вся в слезах, и сказала мужу, что старший сын совсем умирает. «Проклятая собака!» прибавила она при сем. Еврея еще более подрало по коже; ему казалось, что умирающий точно был тот, которого изгрызла его верная собака. Собравшись несколько с духом, он спросил себе ужинать; ему подали яишницу и стакан вина в особую какую-то большую комнату. Лишь только он сел, как вышедший хозяин запер его там ключем.

Это изумило купца и утвердило в мнении, что он попал к разбойникам. — Ему было уже не до ужина: — он тихонько встал и осмотрел комнату. В ней было одно только окно, крепко запертое ставнем снаружи: ломать его было невозможно. Он подошел к постели, приготовленной для проезжих, и увидел в потолке над самым изголовьем большую дверь, заложенную доскою весьма неплотно. Волосы на голове его стали дыбом; осторожно проходит он по горнице к стороне печи и чувствует, что крайняя доска под ногою его колеблется. Он осматривает ее со свечою, поднимает, и что же видит там?... с десятков мертвых тел, совершенно обнаженных.

— «Боже мой!» вскричал купец, «я погиб!... Помогите мне, Господи, спасти жизнь мою! Помогите избежать сего несчастья!»

Он осторожно закрыл доску: снова подошел к постели и увидел на многих местах кровь. Молитва его укрепила;

он начал размышлять о способе к своему спасению. Счастливая мысль приходит ему в голову: опасаясь, не отравлена ли яишница ядом, он складывает ее со сковороды под соломенную постелью, раздевается почти до нага, вынимает один из трупов, кладет его на постель, надевает на него свою рубашку и одевает своим плащем, как бы спящего, а сам, взяв только кошелек с деньгами, ложится на место взятого им трупа, опускает над собою доску и кладет на себя сверху другой труп убиенного.

Только что успел он улечься, как слышит, что отодвинулась доска над кроватью. — «Пора,» сказала хозяйка. — «Да спать ли он?» спросил хозяин. — «Как мертвой,» отвечал третий голос, вероятно сыновний; — «наше вино его славно усыпило». — «А вот и на всегда уснет,» сказал отец.

Гоп... и что-то тяжелое упало на постель. Можно было сейчас узнать, что это был камень или свинцовая плита, ибо при падении слышался ужасный треск.

Купец лежал как мертвой от страха и не чувствовал даже ни ужаса, ни запаха от мертвых трупов, около его лежащих.

Чрез час вошли в горницу корчмарь, жена его и сын. Все трое подошли к постели и сняли тяжелую плиту свинцу, упавшую прямо на голову положенного купцом трупа.

— «Чорт возьми!» сказал отец, «да он уж окоченел! Вероятно, наша яишница вкусна ему показалась и подействовала скоро. Ну, а как хочешь, жена, только заверяю тебя, что это точно тот человек, на которого напали мы в лесу, у которого отняли мы лошадь и которого собака загрызла нашего неосторожного Жерома. Точно это он: за то туда же ему и дорога, куда его собаке. — Жаль только Жерома! Молодец был покойной!»

Тут сняли они с постели труп, открыли доску и бросили оной в кучу.

— «Смотри же,» продолжал корчмарь, «завтра мы рано поедем продать лошадь и возвратимся к вечеру; а ты, жена, без нас вымой кровать здесь, да приberi!»

Они обыскали все платье купца, осмотрели под изголовьем и, не найдя ничего, кроме нескольких мелких монет,

ужасно проклинали, что ошиблись и потеряли Жерома за такую безделку.

Наступил день. Сквозь щели окна светили яркие лучи солнца; вскоре открыли окна. Купец тотчас выскочил из своей засады, с ужасом взглянул на ужасную свинцовую плиту, долженствовавшую раздавить его, наскоро оделся в верхнее платье и, выскоча в окно, бросился по первой представившейся ему дороге.

С час бежал он опрометью по дороге и достиг небольшого местечка, где начальнику онаго объявил о всем с ним случившемся. Синдик или начальник местечка пред вечером послал с купцом 45 человек конной военной команды, и все преступление было открыто.

Виновные преданы жесточайшей казни, а купец, счастливо избавившийся от очевидной опасности, благополучно возвратился домой.



УЖАСНЫЙ КОЗЕЛ В АМБАРЕ.

В Пикардии, в одной деревне жил один поселянин, именем Клавдий; он был очень беден. По соседству с ним жила старая колдунья, про которую многие говорили, что она имеет самую короткую связь с демоном. Клавдий, наскучивший своею нищетою, пришел однажды к колдунье.

— «Соседка,» сказал он, «ты живешь в таком изобилии, и знаешь, что я, твой ближайший сосед, живу в такой бедности и не поможешь мне до сих пор? — Право это должно быть совестно.»

— «Ага!» сказала старуха, «так ты хочешь познакомиться с моими друзьями, теми, по вашему, нечистыми духами, которых вы боитесь?»

— «Пожалуй, соседushка, я готов на все, только бы сделаться богатым.» —

— «Если так, то приходи уже вечером ко мне, я постараюсь сделать тебя богатым; только не раньше одиннадцати часов.»

Клавдий не преминул, с надеждою в сердце, явиться в назначенное время к колдунье, которая тотчас заперла за ним дверь, зажгла семь свечь, взяла свою черную книгу и волшебный прут. Она очертила около себя и своего гостя три круга и пробормотала несколько слов — туж минуту вся хижина наполнилась дымом, потолок раскрылся и маленькой крылатой чертенок слетел на стол.

— «Ну Клавдий,» сказала колдунья, «смотри сюда и обдумай можешь ли ты иметь столько бодрости, чтоб видеть большого демона; тот очень страшен.» —

— «Нужды нет!» отвечал сосед.

— «И так,» сказала колдунья, обратясь к маленькому чертенку, «принеси мне то, что ты знаешь!»

Чертенок исчез и возвратился чрез несколько минут, неся в когтях весьма осторожно черную курицу.

— «Возьми,» сказала старуха, «эту курицу, ступай сей час на перекресток, вырой на самой середине яму с поларшина и тогда увидишь того демона, которой может тебя обогатить, с ним ты можешь уговориться.»

Клавдий пошел на перекресток, вырыл яму и посадил в нее курицу. Лишь только он это сделал, как вдруг увидел пред собою демона; летучие огни окружали его голову и освещали окрестность.

— «Чего ты хочешь?» спросил демон.» —

— «Я хочу, чтоб ты обогатил меня,» отвечал Клавдий.

— «А что дашь ты мне за это?» —

— «Все, что тебе угодно и что имею.»

— «Твою душу?» —

— «Душу? пожалуй когда я умру.»

— «Назначим срок: много ли лет желаешь ты жить?»

— «Ого! да я не хочу скоро умереть.»

— «В таком случае, вот уговор: я согласен дать тебе столько лет жить, сколько пройдет пока ты сделаешь семь смертоубийств.»

— «Да я их вовсе не сделаю.»

— «Так и жить будешь.»

— «Когда так, то изволь.»

— «Ну подпишись!» — Демон подал Клавдию железное перо и удушенного младенца. — «Вот пиши на этом трупе!»

Клавдий подписался и демон вручил ему кошелёк полной золотом и сказал при том, что каждое первое число месяца он будет наполняться снова.

Демон провалился сквозь землю, а Клавдий возвратился домой. На другой день он купил себе хороший дом, платье и все принадлежности; — соседи дивились, но не знали причины его обогащения. Он имел при себе престарелого отца своего и меньшого брата, которые дотоле разделяли его бедность; теперь, сделавшись богатым, Клавдий почел неблагопристойным иметь при себе отца и брата, оставил их жить одних в ветхой лачужке.

Скоро разбогател Клавдий до того, что сделался самым богатейшим поселянином, накопил земли, нанял работни-

ков, наполнил житницы хлебом и богател час от часу более, — но чем более возрастало его богатство, тем более ожесточался он сердцем : он знал, что отец и брат его живут в бедности, терпят нужду и если бы меньшой брат не работал день и ночь, то отец, на старости, лишенный сил, мог бы умереть с голода. Клавдий знал все это и не помогал ни отцу ни брату.

Лето было на исходе, начались вдруг дожди, бури; град побил весь хлеб, которой не погиб на корне от дождей; настал по всей стране голод. Люди умерли от холода наступившей зимы и голода.

При всеобщем бедствии, кой какие заведения, доставлявшие пищу бедным работникам, закрылись; средства к пропитанию исчезли; всякой думал лишь о себе. В сие время богатый Клавдий, недовольный еще своим богатством, вздумал закупить остальной хлеб у разных лиц и оставить его в своих житницах в надежде весною, когда голод будет еще чувствительнее, продать оной за двойную цену.

Протекли несколько ужасных дней. Антон, меньшой брат Клавдия, не мог уже доставить пищи для своего престарелого отца; в страшной горести, он бежит к богатому брату просить помощи. Он описал ему бедственное свое положение; но Клавдий не смягчился. — «Теперь,» сказал он, «всякой думает о себе; время тяжелое, я не могу помочь вам ничем!» —

Напрасно Антон умолял брата своего. Он был неумолим, и вывел брата своего за дверь и запер оную.

Несчастный возвратился к страждущему отцу своему и, не желая огорчить его описанием братней жестокости, солгал в первый раз в своей жизни: он сказал, что брат его Клавдий сам хотел придти и принести им помощь. — Старик несколько успокоился.

Еще прошла ужасная ночь! Голод истомил старца: он не мог уже встать с пучка соломы, составлявшего постель его. Антон мог еще встать и еще раз добрел до брата. Он пал у ног его и не мог подвигнуть к жалости. Клавдий приказал работникам вытолкать из дома несчастного Антония.

— «Чудовище!» кричал Антоний в отчаянии, ломая себе руки; «твой отец умирает уже голодною смертию, я также скоро за ним последую и тогда души наши потребуют тебя к отчету.» —

Антоний пошел к некоторым из своих родных и всех нашел точно в таком же положении, в каком находился сам он и отец его; все они единогласно говорили, что получили жестокий отказ от богатого Клавдия, а некоторые даже не были впущены и на двор его.

В самом деле Клавдий приказывал решительно отгонять от ворот своих всех бедных. Сердце его сделалось каменьем.

Антоний возвратился домой и застал отца своего при последнем издыхании. Старик не мог уже говорить ни слова; он подозвал знаками его к себе, благословил и умер в ужасных мучениях. Добрый сын был свидетелем мучения отца своего, не мог перенести сего, упал на обезображенный труп родителя и также испустил дух.

Клавдий не знал сего происшествия; он покойно пережитывал свое золото, замышлял новые прожекты к обогащению и выщитывал выгоды, которые получит он весною от скупленного хлеба. —

В сих разнообразных замыслах и предположениях он лег в постель и не мог заснуть. На сельской колокольне ударило полночь — двери Клавдиевой комнаты растворились, осветились каким-то бледным светом, и толпа привидений в саванах, рубищах и даже нагих вошли в двери. Клавдий думал, что это сон, начал протирать глаза, но чувствовал, что не спит. В первой раз почувствовал он трепет. Привидения подошли ближе и в первых двух, казалось, Клавдий узнавал отца своего и брата. Еще более затрепетал злодей. Тени подходили к нему по одиночке, клали на чело его хладную руку свою и гробовым голосом произносили: *мщение! мщение!* Потом тени составили в три ряда круг около его постели, закричали все в голос: *мщение! мщение!* и исчезли.

Клавдий, мучимый страшным видением и угрызениями совести, не мог заснуть во всю ночь; с разсвета, соста-

вил он мягкую постель свою и, решась умиловать небо благоденствиями, он пошел в свой огромный амбар, дабы отделить часть хлеба для своего отца, брата и родственников.

Но в какое пришел он удивление, когда в запертном своем амбаре увидел он огромного козла, разсыпавшего разного рода хлеб вместе. Козел взглянул на Клавдия так страшно, что он затрепетал от нового ужаса, бросился вон и побежал к умному Пастору своей деревни, которого по стекшимся обстоятельствам встретил у ворот своих: Пастор шел к нему уведомить его, что отец, его брат и несколько родственников, умершие с голоду, лежат еще непогребенные. У Клавдия волосы стали дыбом. Он поспешил рассказать, что видел в амбаре и ночью в его комнате. Пастор покачал головою и пошел с ним в амбар. — Козел продолжал там мешать и разбрасывать из всех закромов хлеб.

— «Именем всемогущаго Бога,» сказал пастор торжественным голосом, «повелеваю тебе сказать кто ты? и что тебе надобно?» —

— «Я Демон богатства,» отвечал козел, принявшей туж минуту настоящий вид свой, «и пришел за душою сего нечестивца, которая неотъемлемо принадлежит мне. Он продал мне ее; я дал ему срок, пока не совершит он семи смертоубийств: он сделал их семьдесят и удивил самого меня и весь ад своею лютостию! Он мой! —»

Клавдий от страха упал и лишился чувств. — Пастор видел, что его невозможно было спасти и не говорил уже ни слова.

— «Могу ли выдти от сюда в виде пламени?» спросил демон.

— «Нет!» отвечал Пастор, «ты произведешь пожар и сожжешь все селение.»

— «И так выду дымом?» — «Нет! чад твоего дыма может удушить слабых.»

— «Ну, так я лечу вихрем.» С сим словом яростно запустил он когти свои в грудь полумертвого Клавдия и сказал: «Чудовище! ты не знал цены богатства, не знал на что употреблять оное должно. Ты превзошел в лютости самих нас, и ты моя новая жертва!» —

Вдруг поднялась кровля амбара и демон в виде вихря вылетел с своею добычею, сокрушая все на своем полете.

Пастор немедленно вышел, объявил о случившемся всем работникам, которые, устрасясь, бросились за Пастором вон из дома. Едва только они вышли из ворот жилища, как снова поднялся вихрь и развеял дом, амбары и все имущество злобного Клавдия.



ОКОЛДОВАННЫЙ ДОМ.

Один молодой житель небольшого городка Салона, что в Провансе, возвращаясь, после некоторого долгого отсутствия домой, весело попевал песенки, и бодро опираясь на дорожную палку, поправлял небольшой чемодан свой за плечами. И как ему было не радоваться? он пылал желанием видеть свою любезную и место где родился и провел милые лета своего детства.

Нарбаль — так назывался сей молодой человек — надеялся еще до ночи добраться до дома; ибо солнце совершило еще только половину пути своего.

Проходя долиною, он увидел пастуха, которой, сидя на корточках, зарывал что-то в землю. — Весельчак наш приближаясь к нему, спросил: точно ли тут идет в Салон. — Пастух, которой в сие самое время занимался каким-то колдовством на погубление скотины своего соседа, досадовал, что его прервали и разрушили колдовство, для возобновления коего надлежало, по их чернокнижным законам, ожидать снова 9 дней, — почему он, оборотясь к Нарбалью, сказал: — «ступай все вперед, молодой человек, тебе скажут твою дорогу.» —

Тон, которым отвечал пастух, весьма не нравился Нарбалью. Он раскаивался, что спросил сего ужасного человека и с трепетом продолжал дорогу свою.

Чрез час времени, небо начало темнеть от туч, поднялся вихрь и настала ужасная гроза. Гром, молния, дождь, град и все ужасы бури казалось собрались над головою Нарбаля, которой, не в силах будучи различить предметов за 10 шагов впереди, сбился с дороги и шел сам, не зная куда.

Чрез добрые полчаса буря начала утихать, и в нескольких шагах увидел наш странник деревянный крест, стоящий на распутии, и пред ним прекрасную девуцу, стоящую

на коленях. — Нарбаль был молод, и потому не удивительно, что загляделся на красавицу и, желая зачать разговор, спросил ее, которою из двух дорог следовало ему идти в Салон?

Девушка, молча, показала одну из дорог и продолжала все стоять на коленях. Нарбаль прошел по оной несколько шагов и, удивляясь положению красавицы, одетой в белое платье и покрытой белым вуалем, вздумал воротиться и спросить о причине такой странной встречи..... Он воротился, но красавицы уже не было. Закрыться ей было не куда, ибо место было окружено полями. Он оборачивается во все стороны и видит вдали бегущаго белаго зайца.

— «Не уже ли это красавица?» подумал он, «неужели сего дня не дойду я до моего дома?» и пошел задумавшись по указанной дороге, в намерении в первом удобном месте остановиться, отдохнуть и обсушиться.

Вскоре, что-то блеснуло пред ним. На дворе была уже ночь. Нарбаль пошел в ту сторону, и скоро подошел к совершенно опустелому дому, но освещенному множеством факелов. Он вошел внутрь; двери нижняго этажа были крепко заперты; он пошел по лестнице вверх и взошел в огромную залу, обитую черным сукном и освещенную четырьмя большими свечами. Только что он вступил в залу, как двери сами собою заперлись за ним с страшным шумом.

— В удивлении и страхе ходил он по зале, не зная, что начать ему. Вдали, на какой-то колокольне, ударило полночь и с последним ударом колокола в зале раздался крик совы, за оным непосредственно звук погребальнаго колокола, потом со всех сторон слышались ему жалостные вопли. В переднем алькове что-то треснуло, и туж минуту вышел из онаго мертвец, сопровождаемый множеством привидений разнаго вида. Мертвец с ужасною цепью прошел мимо Нарбаля, и все последовали за ним.

Нарбаль трепетал от ужаса.

Минуто спустя, открылась половица, показалась длинная и огромная рука из под полу, схватила нашего странника, и, не причиняя ему вреда, утащила в нижнюю слабо освещенную залу. Там ужасныя страшилища сидели на полу

вокруг мертвого трупа и пожирали его. Едва только Нарбаль увидел это, как, в страхе не зная что начать, перекрестился и — в миг все исчезло.

С минуту спустя, показалась опять огромная рука из под полу и утащила Нарбаля в подземелье, посередине которого стоял открытый гроб. Лишь только рука опустила нашего странника на землю, как из гроба приподнялся мертвец и громовым голосом закричал: —

— «Трепещи, дерзкий, вступишь в обитель смерти; бойся мщения теней, блуждающих в раскаянии!» — Ударил сильной гром и Нарбаль упал без чувств на холодный помост подземелья.

Долго ли продолжался обморок страха неизвестно; только, придя в чувство, Нарбаль, увидел себя в пещере богато убранной и прекрасно освещенной, а пред собою старца с длинною бородою и в белой одежде испещренной разными фигурами.

— «Пришлец,» сказал старец, «несчастный пришлец, кто завел тебя сюда?»

— «Не знаю!» отвечал Нарбаль с почтением, и подробно рассказал все, что с ним случилось.

— «Мне жаль тебя. Ты должен погибнуть, иначе из сего околдованного дома не выйдешь; я колдун, имя мое: Апон. Все знают мое могущество. Я чрез свои познания избежал смерти на условии питаться человеческим мясом; для того околдовал я дом сей; мои подвластные духи заводят сюда людей неопытных и делают их моими жертвами. — Не знаю почему мне жаль тебя, и я тебя отпускаю, но с условием, чтобы ты, возвратясь на родину, пожертвовал мне тем, кого увидишь первого. Обещаешь ли мне это?»

— «Обещаю,» отвечал Нарбаль с трепетом, и в одно мгновение очутился в доме отца своей любезной. Радость заставила его забыть обещание. Он бросился в комнату своей *Бригиты* (так называлась его любезная). Она сидела в задумчивости и вдруг, увидя пред собою давно ожидаемого Нарбаля, бросилась ему на шею.

И в ту же минуту явился в сей комнате колдун Апон с семью своими духами. Нарбаль побледнел как смерть, а Бри-

гита, пораженная вдруг и радостью и страхом, с визгом упала на пол. — На крик прибежал тотчас отец ея, которой, зная также сокровенную силу магии, не употреблял ее ни на что, кроме как на пособие ближним, и потому был сильнее своих собратий. —

Он тотчас узнал Апона и, поставив ему пред глаза свой стальной перстень, сказал:

— «Ты знаешь меня, Апон, если страх и извлек у Нарбаля обещание, то мы не в праве тем пользоваться, что так сказать мы сами вынудили силою. Я не даю тебе моей дочери и защищаю Нарбаля — требуй другого и получишь, если только никто от того не постраждет.» —

Дотоле свирепый Апон, теперь при виде перстня сделался тих и ласков.

— «Так и быть, сосед,» сказал он, «я не знал, что ты имеешь сей перстень. — Вели же мне дать трижды двенадцать яиц сваренных в смятку, и я оставлю вас в покое.» —

Отец Бригиты приказал подать яйца, и пока Апон ел их, не переставал держать пред ним перстня. — Колдун кончил завтрак и исчез.

Нарбаль женился и жил покойно до своей смерти.

БОВИНОТ ВОЛШЕБНИК.

В правление Хилдерика, четвертаго Короля Франции, в замке Альбофледе жил знаменитый Друид Ульрик, воспитывая по приличию единственную дочь свою *Оделию*, которая на 16-м году возраста была совершенной красоты. Это был век рыцарства, и рука *Оделии* обещана была юному и знатнейшему рыцарю *Сигизберту*, которой, желая удостоиться чести обладать красавицею, долженствовал объездить все дворы Европы, и везде увенчать себя славою; а потом получить руку прекрасной Оделии.

Сигизберт в точности исполнял свою обязанность, и уже более 20 рыцарей приезжали во Францию, и являлись к Оделии побежденными.

Между тем Король Хилдерик во цвете лет, одаренный прелестною наружностью, влюбчивый и непостоянный, при необузданности своей страсти, был ужасом мужей и отцев. Хилдерик посещает замок Альбофлед, видит Оделию и воспламеняется к ней страстию; но Оделия любила Сигизберта и не могла любить другаго. Она решительно сказала Королю, что сердце ея занято, рука обещана и клятва свершена.

Король замолчал и оставил замок в надежде успеть завтра в том, в чем не успел ныне.

Король приехал на другой день, и умной Друид тотчас догадался, что это значит. Он не отходил ни на минуту от своей дочери, и Король, вторично не успевший в своем намерении, скрыв свою досаду, уехал; но в тот же вечер чрез пажа своего прислал Оделии следующую записку:

— «Оделия! Я забыл пред тобой мой сан, вот что сделала красота твоя. Ты не принимаешь моих обетов. Удивляюсь и прошу скажи мне, что я должен сделать, чтобы приобрести любовь твою? что должен я сделать, чтобы

превзойти того счастливец , который успел овладеть твоим сердцем? Скажи, и Король Франции будешь повиноваться тебе. Иначе не забудь, что я могущественнее моего соперника.»

Хилдерик.

Оделия с огорчением прочла письмо и написала следующий ответ:

— «Ваше Величество !

— «Вы Король Франции, где тысячи лучших меня красавиц почтут за высокую честь обратить Ваше на них внимание. Оставьте злополучную, не могущую соответствовать любви Вашей, но всегда Вас почитающую. Почтите мою клятву и услыште последнее: я решаюсь все перенести, ибо между смерти и безчестия не нахожу никакой разницы.»

Оделия.

Бешенство Короля было неограничено, но надлежало иметь терпение. Хилдерик решается употребить хитрость: он едет в замок и бросается к ногам Оделии.

—«Прекрасная Оделия!» говорит он, «я тебя обидел и приехал поправить мою ошибку. Не как любовник являюсь пред тобою, но как Король предлагаю тебе разделить мою корону и прошу руки твоей. Скажи, и чрез час Оделия будет Королевою!» —

— «Ваше Величество,» отвечала Оделия, «много чести, и если бы не дала я клятвы, то никто другой кроме вас не владел бы моим сердцем; но Государь, одна смерть моя в силах разрушить клятву!» —

«И так дерзкой подданный берет преимущество над своим государем?» — сказал с гневом Король и оставил замок.

Положение Оделии было самое тягостное. В страшной грусти прогуливалась она в сей вечер по саду и зашла, забывшись, в самый отдаленный край сада. Вдруг из за кус-

тов выскочили несколько человек, накинули на Оделию платок для воспрепятствования крику, и увлекли с собою во дворец Короля, которой, встретив их на крыльце, принял Оделию и, видя ее в слезах и глубочайшей горести, не осмелился предаться страсти, но с почтением уверил ее, что она будет покойна во дворце его до тех пор, пока время, будучи его ходатаем, склонит сердце ее к любви.

Несколько часов спустя после похищения, никому еще в доме Ульрика неизвестного, прибыл давно ожидаемый жених Сигизберт. — Старик принял дорогого гостя, увенчавшагося такою славой, как своего уже родного сына.

— «Храбрый рыцарь!» сказал он, «время наградить твое постоянство и мужество наступило. Прими все, что имею наидрагоценнейшего.» — Тут приказал он позвать дочь свою.

Пусть пылкое воображение читателя представит себе ужас объявший старца и рыцаря, когда нигде не могли отыскать Оделии и никто не знал куда она пропала, и что с него сделалось.

— «Га!» сказал Ульрик, долго ходив по зале в размышлении, «га! Я подозреваю; я угадываю виновника нашего несчастья!» — Он поспешил тотчас в свой кабинет, и будучи посвящен в таинства Друидов, спросил в присутствии Сигизберта оракула.

Оракул отвечал: — «Оделия в палатах Хильдерика, никакая человеческая сила не может поколебать ее постоянства и добродетели; но и никакая сила не может ее оттуда исхитить!»

Последния слова оракула подобно громовому удару поразили сердца старца и рыцаря.

— «Отец мой!» сказал Сигизберт, «если никакая человеческая сила не может исторгнуть моей Оделии из рук могущественного похитителя, то я надеюсь, что волшебник Бабинот поможет мне. Дозволь мне к нему ехать?»

— «С Богом,» сказал старец, и Сигизберт уже скакал на сильном коне своем по долинам и горам. — «Половину богатств моих отдам я тому, кто избавит дочь мою!» кричал старик в след рыцарю.

— «Не торопись!» сказал какой-то нежной голос. Старик смотрел вокруг себя, но никого не было, одно лишь благоухание распространилось в воздухе.

Сигизберт подъехал к жилищу волшебника: сей встретил его на пороге.

— «Милости просим!» сказал волшебник с седою бородою, но светлыми и яркими глазами, изображающими всю свежесть молодости — «ты верно имеешь во мне нужду?» —

— «Ах так, отец мой.» — Тут рассказал он все происшествие.

— «Бабинот умеет помогать дамам,» сказал улыбаясь волшебник, «сядь, отдохни, я приготовлюсь и поедем; но хороша ли твоя Оделия?»

— «Красота ее совершенна.»

— «И так едем!» — Они оба закусили несколько для укрепления сил и к вечеру были уже в замке Ульрика. Просьбы старца и рыцаря были так трогательны, что Бабинот в ту же ночь явился невидимо во дворце, увидел печальную Оделию и воспылил к ней постыдною страстию. Черная душа его тотчас составила план достать Оделию в свои руки.

Он знал слабость Короля и потому, являсь к нему по утру, объявил о своем повсюду известном имени и предложил Королю, что может силою чар своих принудить непреклонную Оделию к любви.

— «По царски награжу твою услугу,» сказал с радостью Король.

— «Государь! я знаю ваше сердце,» сказал хитрец; «не ужели Оделия должна навсегда обладать Королем Франции? Оделия, имеющая только красоту тела, не ужели прекрасный Хилдерик не найдет себе лучшей? Я предвижу будущее.»

— Король задумался в нерешимости.

— «И так, Государь! я делаю вам угодное, но не хочу навлечь вашего гнева. Я склоню гордую на три дни, и потом отдайте ее Сигизберту.»

Король пожал руку Бабинота, которой, возвратясь, приказал к вечеру же изготовить свадебный пир и обещал привести Оделию.

Искусством чародейства в вечерний час превратил он одну поварову дочь в вид Оделии и привел к Королю, а настоящую Оделию, которой признался в своей хитрости под предлогом пользы Сигизберта, вывел из дворца и оставил в сокровенном убежище, полагая также обмануть рыцаря, и пока бы Король и он предавались очарованию, увести Оделию и скрыться в его жилище, которое мог он сделать неприступным для сил человеческих.

В замке Ульрика все было готово к совершению брака, все с нетерпением ожидали благодетельного Бабинота и увидели, что он уже приближается и с Оделиею. Уже подошел он под ворота замка, как невидимою силою опустилась перед ним и за ним золотая решетка. Все ужаснулись сего чуда. Сигизберт готов был броситься с обнаженным мечем на спасение Оделии и благодетельного волшебника; но вдруг явилась перед ним и старцем Ульриком почтенная дама красоты поразительной, и с яркою звездою на голове. — Бабинот заревел между решеткою ужасным голосом. —

— «Ты,» сказала дама Сигизберту, «и отец твой довели сокровище первому злодею. Он обманул Короля и обманывал и тебя. У Короля Оделия была бы гораздо безопаснее, нежели у сего сластолюбца! — Смотрите!» — Она махнула жезлом и Оделия, бывшая с Бабинотом за решеткою, превратилась в дьявола. — «Вот,» сказала дама, «какая Оделия должна бы была разделить твоё ложе. У Короля сию же минуту сделалось тоже превращение — подождите несколько.» — Дама скрылась. Все стояли в изумлении; Бабинот грыз решетку и ломал зубы свои в ярости; скоро возвратилась дама на колеснице с Оделиею.

— «Вот,» сказала она, подводя девицу к восхищенным от радости отцу и рыцарю, «вот твоя истинная Оделия.»

— «Но кто вы? кому обязаны мы?...» спрашивал рыцарь.

— «Я волшебница Добрада. Ты в твоём странствии спас дочь мою от уязвления змиею, помнишь ли в лесах Гельдов — тогда еще поклялась я отблагодарить тебя, и теперь ис-

полняю долг мой. К тому же и мера злодеяний Бабинота исполнилась. Вот казнь его.»

Дама махнула жезлом: два ужасные дракона слетели к золотой решетке; она развалилась и ужасныя чудовища, подхватя когтями Бабинота, поволокли по воздуху.

Дама скрылась, брак совершен и Сигизберт сделался счастлив, ибо Король, узнав подробное о сем произшествии, сделал его своим другом.

КОНЕЦ.

ПРОСТОНАРОДНЫЙ
СКАЗОЧНИКЪ,

ИЛИ

ШЕСТЬ СКАЗОКЪ И ПОВѢСТЕЙ

О МЕРТВЕЦАХЪ, ПРИВИДѢНІЯХЪ И КОЛДУНАХЪ.

ПЕРЕВЕДЕНА СЪ НѢМЕЦКАГО

Иваномъ Гурьяновымъ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.



МОСКВА.

Издание П. А. Глушкова.

1867.

ЧОРТОВ ЗАМОК.

Близ города Утрехта, лет 20 тому назад, показывали с ужасом так называемый Чортон замок, это какое-то безобразное огромное здание, стены которого были исписаны странными фигурами чудовищ, чертей, пламени, змей и всего того, что воображение может выдумать ужасного.

Никто не осмеливался жить в сем доме, где, говорили, обитали черти и где 13 числа каждого месяца бывало сборище сил нечистых. — Рассказывали между прочим, что человек двадцать пробовали провести здесь ночь, но выходили всегда к утру изуродованными.

Один из Голландских богатых путешественников захотел непременно испытать, почему идет в народе такая молва. Он решился провести здесь несколько ночей и узнать, что тут происходит, для чего взял он с собою двух здоровых и вооруженных лакеев и искуснейшего в то время волшебника, которому повиновались черти.

В темную осеннюю ночь, именно 15 Ноября, путешественник в сопровождении лакеев и волшебника вошел в замок. Мертвое молчание и мрачность не могли устрашить наших испытателей, и они располагались войти в первый зал, как вдруг остановлены были явившеюся старою женщиною. Она запрещала им приближаться и молодой путешественник почувствовал, что невидимая сильная рука держит его и не позволяет пошевелиться; он тотчас сказал об этом волшебнику. Сей произнес несколько таинственных слов, и старуха, в виде крылатого змия, поднялась на воздух, унеся с собою обоих лакеев, которых, однако, волшебник обещал возвратить. Снова сделалось молчание.

Эдуард — так назывался сей путешественник — и волшебник вошли в первую залу, где не нашли ничего кроме нескольких полусогнивших костей человеческих. Проходя

по длинному корридору, достигли они главной залы замка. Там был слышен ужасный шум. Эдуард, при всем своем любопытстве, струсил и переменялся в лице.

«Не бойтесь!» сказал волшебник, «и положитесь во всем на меня: при мне с вами ничего не случится. Наденьте на шею себе этот талисман и смело отворяйте дверь.»

Эдуард отворил дверь. Ужасный медведь, лежавший растянувшись на полу, встал и пошел прямо с ревом на молодого Голландца. Сей обнажил саблю; но лишь коснулся ею до зверя, как сабля разлетелась в дребезги; Эдуард упал на пол, тогда волшебник махнул своим жезлом и медведь исчез.

Только лишь встал Эдуард, как с потолка начала капать кровь и раздались жалобные стоны. —

«Что это», вскричал молодой человек, подойдя к кровати и увидя на ней лежащей скелет в цепях и страшно поводящий во все стороны глазами: «что это? мертвец? это ужасно.»

Волшебник, стараясь, чтобы молодой человек не потерял присутствия духа при виде таких ужасов, начал делать заклинания: тотчас показалась на середине залы миртовая ветвь. Волшебник сожег ее и ужасное очарование исчезло, зала сама собою осветилась. Невидимою рукою накрылся стол, подано кушанье, вино, и наши испытатели сели ужинать.

Только лишь успели они съесть последнее кушанье, как сделался слышен снаружи гром, который ежеминутно увеличивался; в зале сделалось темно, в окнах блистала молния; последний удар грома был так силен, что его ничему нельзя было уподобить; стол с остатками ужина провалился в подпол; потолок раздвоился и сверху спустилось множество уродливых фигур с ногами, крыльями и рогами, и начали свою пляску. Сверху безпрестанно прилетали новые чудовища мохнатые, пестрые, огненного цвета, волшебники верхом на козлах, другие на рукоятках метел, и все помещались в круг и плясали, ужасно кривляясь.

Наш волшебник перевернул свой талисман, и как самого себя, так и Эдуарда сделал невидимыми.

Скоро старая волшебница принесла какое-то дитя и волшебники изрезали его своими ножами; только что успели они это сделать, как упала черная огромная кружка. Все пали пред нею на землю и после минутного молчания, вышел из черной кружки старший демон огненного цвета. Пляска началась снова.

Волшебник и Эдуард точно были невидимы для глаз других волшебников и духов, так сказать, второстепенных, но не могли укрыться от глаз старшего демона. Он страшно взвизгнул: Волшебное покрывало, скрывавшее наших испытателей, потеряло силу. Все сборище увидало двух незнакомцев и в миг разлетелось с шумом.

«Ляжем спать,» сказал колдун Эдуарду.

— «Как? здесь» — отвечал молодой человек: — «здесь, где черти могут нас изуродовать?» —

«Не бойся! При мне они ничего не могут сделать и тебе: на тебе теперь великий талисман Зароастра. Последуй моему примеру.»

Волшебник лег на кровать, где видели они скелета и где теперь уже его не было. Эдуард лег также к стене и прижался плотно к чародею.

Волшебник скоро захрапел, но Эдуард от страха не мог заснуть и вскоре, услыша стук цепей, разбудил своего товарища. Чрез минуту явился пред ними ужасный скелет и гробовым голосом сказал им: «Горе тому, кто нарушает покой умерщвленных!»

Сказал и взмахнул ужасными цепями, желая поразить лежащих.

Волшебник в туж секунду распахнул грудь свою и показал талисман. — Скелет отступил шаг назад и стоял в покорном положении.

— «Кто ты? откуда ты? и чего ты хочешь?» — спросил волшебник.

«Для чего заставляешь ты меня нарушить молчание, которое соблюдаю уже более ста лет?...» сказал скелет. — «Я называюсь *Лендербонн*. Тот, кто построил сей замок, принял меня в услужение с самого моего детства, он не был женат. В один летний вечер мы купались. Ярко свети-

ла луна: господин мой приметил купающуюся девицу и вдруг увидел, что она тонет. Броситься к ней на помощь, схватить ее и спасти было дело одного мгновения. Девушка была прекрасна: господин мой женился на ней, а как она любила уединение, почему и уговорила избрать сей замок своим жилищем. Госпожа сделалась беременна, родила сына и в тот же час с дитятею пропала. Мудрецы того времени разгадали сию тайну: они решительно объявили моему господину, что он был женат не на женщине, но на чертовке. Эта новость так поразила моего господина; что он решил остаться на всю жизнь холостым. Он полюбил страстно охоту и рыбную ловлю. В один день на охоте я показался ему, сам не знаю почему, волком: он выстрелил по мне и убил. В области смерти встретил я супругу моего господина. «Лендербонн», сказала она мне, «возвратись на землю к моему мужу: он был мне неверен: убей его за это.» Я должен повиноваться, и с тех пор я задушаю или уродую всех тех, которые осмеливаются проникнуть в сей замок. — Я невинен, но страдаю, и только жертва умершим, из черной курицы состоящая, и принесенная невинною рукою, может положить конец моим мучениям.»

— «Обещаю принести жертву и спасти тебя» — сказал волшебник: — «но ты должен возвратить нам пропавших наших слуг.» —

Скелет потряс цепями: лакеи явились. Волшебник, путешественник и лакеи оставили замок на разсвете; — около полудня волшебник один ходил в замок и очистил его от ужасов чародейства.

II.

НЕОБИТАЕМАЯ ХИЖИНА.

В Саксонии есть одна большая деревня, в которой редкий из путешественников не примечал одной древней необитаемой хижины. Кажется, самое время оставляет ее неприкосновенною. Стены поросли мохом и плесенью. Летучия мыши и нетопыри спокойно обитают в оной.

Но хижина сия в большом у всех почтении: я видел, как в воскресные дни с почтением и в безмолвии подходили к ней молодые поселяне с своими женами и невестами; как садились они около нея и прилежно разсматривали.

Любопытство заставило меня стараться узнать, что это за хижина?

«Добрый старичок!» сказал я одному из седых поселян, сидевших в отдалении: «не можешь ли ты мне сказать, почему в вашем хорошем селении остается несломанною такая древняя хижина, и почему, как замечаю я, все имеют к ней такое почтение?

— «Вы, конечно, путешественник и не знаете Истории Катерины и сей хижины. — Сядьте подле меня, я расскажу вам эту Историю.» —

Мы сели, старик начал:

«Уже лет триста, как хижина сия необитаема и слывет у нас в околodge *жилищем неверной*. Каждый молодой человек, страшась измены от своей жены или любовницы, приводит ее сюда и напоминает ей о гибели Катерины. — В этой хижине жил некогда богатый земледелец, который, овдовев, вскоре также оставил свет сей, предоставив все свое имение Катерине, единственной своей дочери. Катерина была молода и хороша; она любила храброго Феодора, который также любил ее от чистаго сердца. Сделавшись полною властительницею и имения и руки своей, она близка была к тому, чтобы наградить своего любезнаго за его любовь и постоянство, как вдруг Французский Король

вздумал идти в Палестину и пригласил Герцогов и витязей Германских.

Феодор любил Катерину, но не мог противиться страсти к славе: он дал обещание возвратиться верным и увенчанным славою.

Катерина превозмогла печаль свою. — «Ступай, Феодор, следуй твоему долгу и повелениям твоих Государей!» сказала она; «но сердце твое принадлежишь мне. Ты поклялся мне твоим богом, что живой или мертвый ты будешь мой на веки. Клянусь тебе в том же и я. Феодор не будет иметь соперника. Прости, получи первый поцелуй твоей супруги!» —

Феодор и Катерина разстались. — В первые полгода Катерина была печальна и отказывала многим молодым людям искавшим руки ея. Но, по прошествии года, присватался к ней один молодой гражданин соседственного городка; его наружность, молодость и богатство, а более долгое невозвращение Феодора и советы родственников поколебали постоянство Катерины. Она дала слово молодому гражданину и — свадьба сыграна была наивеликолепнейшим образом.

Из церкви молодые возвратились домой на богатый пир, на котором было много и посторонних. Все были веселы, довольны; один только незнакомый воин был печален, не вкушал трапезы, не пил вина и не поднимал наличника шлема своего. Он был высокого роста, красивой талии и многия девицы, посматривая на него, жалели, что забрало шлема его было опущено; он сел подле Катерины и молча смотрел на нее пристально.

Молодая супруга обратила на него внимание и начала просить его снять шлем и участвовать в общей радости. Многие гости присоединили свои просьбы. Тогда воин снял перчатку и поднял наличник — все с ужасом отскочили. Это был скелет.

— «Боже мой!» — вскричала Катерина, «это тень моего Феодора!»

«Так!» отвечал скелет: «твоего супруга!» — Он взял ее за руку. «Твоего Феодора, которому поклялась ты в вернос-

ти. Ты поклялась мне, что будешь принадлежать живая, или мертвая твоему Феодору, который, сказала ты, не будет иметь соперников — получи первый поцелуй твоего супруга. Помни обет твой и следуй за твоим супругом.»

После сих слов скелет сжал в свои объятия умирающую Катерину и как вихрь увлек ее с собою вон из залы.

Вскоре получено известие, что Феодор давно убит в Палестине.

С тех пор тени двух супругов являются в сей хижине и наказывают неверных нашего околodka.

Вот почему хижина сия у нас в таком почтении!»

— Хорошо бы, подумал я, — чтобы и везде были такие капища; жаль только, что ныне мало уже боятся привидений и мертвецов.



III.

ДВА ПРИВИДЕНИЯ.

Один музыкант из окрестностей Дункерка, проиграв целый вечер на скрипке в деревне у богатого крестьянина на свадьбе, возвращался оттуда довольно весел и попевая песенки. Уже ему оставалось не более полумили до его жилища, как попадаетеся ему навстречу незнакомец, едущий верхом на хорошей лошади.

«Ого! приятель», сказал незнакомец, «ты очень весел.»

— «Да!» — отвечал Александр — «слава Богу! я сегодня и довольно поработал.» —

«Куда же ты идешь теперь?»

— «Домой.» —

«Ты, кажется мне, весельчак; если ничто тебя не задерживает, то садись на лошадь позади меня и поедем ко мне; у меня проиграешь ты всю ночь и тебе будет хорошо заплачено.»

Как ни старался Александр вскочить на лошадь, но никак не мог и всегда падал с оной. Пот градом лил с лица его. — «Кой чорт что это за лошадь, что на нее никак не вскочишь?»

— Моя лошадь есть как обыкновенно лошадь; но ты не имеешь ли чегонибудь при себе лишняго?» —

«Ничего! со мною одна скрипка и молитвенник, который я всегда ношу при себе!»

— «Положи его гденибудь около дороги; пойдешь назад, так и возмешь!» —

Александр призадумался немного; но желая узнать, что из всего этого будет, положил молитвенник свой под камень и тогда весьма легко вскочил на лошадь и держась за незнакомца поехал.

Лошадь неслась во всю прыть. Чрез час приехали они в великолепно-освещенный замок. Внутреннее убранство соответствовало наружной пышности дома. Множество гос-

тей высшего состояния, казалось нашему музыканту, сидело за большим овальным столом и кушало, часто попивая и всегда за здоровье хозяина, который одет был весьма странно и мрачным взором в задумчивости поглядывал на всех сидящих.

Александр недолго был без дела в скрипку свою совершенно увеселил компанию; только ему непонятно казалось, что кушанья, подаваемые на стол, совсем не походили на обыкновенные, и на столе не было соли и гости кривлялись ужасно. — Ему пришло в голову, что он вероятно попал не в хорошее общество, а припоминая себе то, что он не мог, имея про себе молитвенник, сесть на лошадь, еще более в том удостоверился.

Старая дама, казавшаяся хозяйкою, поднесла Александру большой золотой кубок вина. Музыкант осушил его и нашел, что вино было очень вкусно. Поблагодаря приветливую хозяйку, он взял свою скрипку и заиграл любимый его благодарственный псалом, но только лишь он начал играть, как ужасный удар грома разрушил очарование. Все освещение залы исчезло, а с тем вместе пропали и гости, и хозяин, и замок.

Александр лишился чувств и только уже на разсвете опомнился: с ужасом увидел он себя лежащим под кустом можжевельника. Он вскакивает, смотрит вокруг себя и видит большую долину, на которой было множество песчаных курганов, подле него лежала скрипка и золотой кубок; он взял то и другое и пошел отыскивать дорогу. Целые три дня бродил он по лесам и долинам и уже к вечеру третьего дня достиг деревни. Усталость и голод его изнурили совершенно.

Каково же было его удивление, когда в деревне сказали ему, что он в Саксонии, в 86 милях от его дома! Он рассказал свое приключение и добрые хозяева из сострадания оставили его у себя. Александр, огорченный сим происшествием, сделался болен и уже по прошествии трех месяцев, пособием сострадательных благодетелей, возвратился домой. Жена и родственники почитали его умершим и чрезвычайно обрадовались, увидя его живым и возвратившимся.

Каждому рассказывал он свое происшествие и каждый с участием слушал и сожалел о нем. Спустя 4 дня он пошел поискать своего молитвенника, припоминая место, где встретился с ним незнакомец: он удивлялся, что не мог найти камня. Бродя по дорогам и перекресткам, к вечеру пашел он камень и свой молитвенник; но только лишь он поднял его, как увидел пред собою два великорослых привидения, одетые в белые саваны.

«Возврати золотой кубок господину Маржиену и скажи ему, что чрез месяц мы будем у него ужинать» сказало одно привидение и оба исчезли.

Музыкант в страхе возвратился домой, никому не говорил о новом своем видении и не решился возвратить кубок.

Три дня спустя, после сего видения, музыкант пред разсветом разбужен был новым явлением: дверь горницы его вдруг растворилась и два белых привидения вошли в оную.

— «Исполнил ли ты наше приказание?» — спросило одно привидение, сжав крепко его руку. — «Вот тебе еще три дня сроку, и если ты не исполнишь, то мы придем опять и тогда гибель твоя неминуема.» —

В горнице была жена музыканта, но она не видала привидений и ничего не говорила об этом; но когда муж открыл ей сию тайну, то она присоветовала ему, взяв кубок, идти вечером к тому месту, где встретил незнакомца, ожидать там привидений и отдать им кубок.

Он послушался и с молитвенником в руках ожидал на перекрестке полночи. — На соседственной колокольне часы пробили 12. Александр сел на камень и качал посматривать во все стороны, как вдруг почувствовал, что кто-то невидимо ударил его сзади; он обернулся и сильные удары посыпались на него со всех сторон. — Около получаса терпел бедный Александр и вынужден был искать спасения в бегстве от этого проклятого места.

Избитый прибежал он домой и рассказал все с ним случившееся. Тогда жена и приятели советовали ему на другой день сходить на перекресток, и если кубок, который он во время побой оставил у камня, еще там, то, взяв его, от-

нести к господину Маржиену, известному во всем околдке под именем чернокнижника

Александр послушался, нашел у камня кубок и принес его в замок Маржиена, объявля при том, что приказали два привидения.

«Спасибо!» сказал чернокнижник; «но час твой пробил, ступай домой и приготовься к смерти.»

Александр возвратился домой и в самом деле к вечеру умер.



IV.

КОЛДУН АГРИППА.

Агриппа сделался известен во всей Германии чудесною силою своего чародейства; до такой степени совершенства достиг он следующим образом:

Зная несколько колдовать и будучи от природы весьма смел и предприимчив, он хотел достигнуть до высшего совершенства в сем знании; желая лично увидеть самого сатану, но не имея к тому способов, он проводил дни и ночи в размышлении. Однажды, прогуливаясь по лесу вечером, он запоздал и, сбившись с дороги, не знал куда идти. Вместо того, чтобы бродить по лесу наудачу, он решился лучше заночевать и поутру, поискав еще нужных ему трав и кореньев, возвратиться домой.

В сем намерении ложится он под дерево и только что начал засыпать, как нечто яркоблестящее представилось глазам его, и то приближаясь, то отдаляясь, казалось, манило Агриппу за ним следовать.

Безтрепетно Агриппа встает из-под дерева и следует за яркоблестящим привидением до просторного болота, на берегу которого лежало огромное дерево: здесь путеводитель исчез. Как опытный волшебник, Агриппа подумал, что дерево долженствует означать что нибудь таинственное и начал его осматривать. Скоро увидел он, что в корке дерева была сделана дверь. Отворив оную, Агриппа вошел по маленькой узенькой лестнице в темную и глубокую пещеру, мрачно освещенную надгробными лампами.

Из темного углубления сей пещеры вышел к Агриппе толстый человек среднего роста, на голове его было шесть маленьких рогов, а в руке длинная черная палка; одеяние его было темного цвета; лице темно-медяного; нижняя губа была так длинна, что висела до груди, и открывала семь длинных зубов, торчащих во рту. Он казался очень стар и вообще имел в наружности своей нечто весьма ужасное.

Как ни смел был Агриппа, но испугался и хотел бежать. Толстый человек махнул своею палочкою и Агриппа сделался недвижим.

«Тебя ужасает вид мой?» сказал толстый человек, снисходительно улыбаясь: «будь покоен, я рад твоему приходу, ибо полюбил тебя!»

— «Кто ты?» — спросил Агриппа, несколько успокоившись.

«Я знаменитый волшебник Мерли, слуга и внук страшного духа Леонара. Шестьсот лет живу я здесь покойно. Знаю, что я начинаю стареть, но еще поживу. Знаю, что ты имеешь желание сделаться первостепенным волшебником и я готов тебя научить всему!»

— «Ах!» — вскричал Агриппа, — «я не имею слов выразить моей благодарности.» —

Мерли тотчас пробормотал несколько слов и едва успел кончить, как последовал сильный удар грома и Агриппа чувствовал, что какая-то непостижимая сила в вихре перенесла его и Мерли в неизвестную ему страну.

«Ступай, все пред тобою, не разбирая дороги до тех пор, пока не встретишь белую женщину; скажи ей, что я прислал тебя к ней и она научит тебя всем нашим тайнам. А как путешествие твое должно продолжаться пятнадцать дней, то вот тебе на дорогу 15 лепешек!» — Мерли дал ему лепешки и прибавив: «прощай, мы с тобой увидимся!» исчез.

Агриппа, разсуждая сам с собою о всем с ним случившемся, был доволен, что скоро достигнет конца своим давнишним предначертаниям и прежде нежели пустился в путь, съел одну лепешку, которая показалась ему весьма вкусною; отойдя несколько, он захотел съесть еще одну и еще другую; таким образом, съев три лепешки, он продолжал путь; когда же наступила ночь, то он лег под дерево и заснул.

Во второй день пути Агриппа сел 5 лепешек, а в третий остальные семь. На четвертый он почувствовал голод и к вечеру так ослаб, что не мог продолжать и пути. В сие самое время маленькая черная курица с распростертыми кры-

льями набежала на Агриппу и села у ног его. — Он понял, что это значило: отвернул курице голову, разорвал на двое и найдя во внутренности яйцо, утолил оным голод свой до такой степени, что почувствовал новую бодрость и умножение сил. После чего он зарыл курицу в землю и едва произнес несколько таинственных слов, как вдруг явился пред ним черен метлы. Агриппа сел на него верхом и с быстротою ветра пронесся далее.

Чрез час достиг он утесистой горы и не знал что ему делать, обойти ли гору, или пройти чрез верх горы; но последнее средство было совершенно невозможно. Размышляя о сем, Агриппа увидел под кустом маленького уродливого карлу, который манил его к себе. Наш странник подходит и видит пред собою смешного старика, вершков шести ростом, с предлинною бородою. На голове его была шапка наподобие сахарной головы, около ушей два рога, а сзади хвост как у ящерицы.

— «Что тебе надобно?» — спросил карло.

«Желаю или обойти гору сию, или вскарабкаться на нее, но не знаю, как это сделать; не можешь ли ты пособить в этом.»

— «О конечно!» — отвечал карло: — «я маленький чертенок, которого вы, господа волшебники, призываете для путешествии; я готов служить таким людям как ты. Ступай за мною!» —

Они обошли несколько гору и остановились у одной пещеры. Здесь при самом ущелье стояла огромная литавра. Карло ударил кулаком и гул, произведенный сим ударом, вызвал из пещеры черного крылатого козла, который служил вместо крылатого коня всем тем, кои желают достигнуть верха горы.

Карло тотчас приказал козлу доставить Агриппу в башню чародейств, находящуюся на верху сей неприступной горы. Агриппа сел на козла и в одно мгновение он был при дверях полуразвалившегося замка.

Агриппа вошел в большую круглую залу по лестнице, имевшей сто одиннадцать ступеней. Здесь нашел он хорошо накрытый стол на одну особу, и тотчас сел за оный. Не-

видимые духи служили ему прислугою. Кушанье и вино были вкусны.

Только что успел он пообедать, как раздался удар грома, главные двери отворились с шумом, зала осветилась великолепно и вошли в дверь 17 трех-головых кошек, столь больших, что бык казался бы при них теленком; за кошками несена была четырьмя белыми дьяволами женщина, у которой платье, глаза, волосы, лице, губы и руки были белы как снег.

Посреди залы дама остановилась. Агриппа не сомневался уже, чтобы Мерли не к ней послал его, подошел с почтением и хотел говорить, но дама прервала его:

«Я знаю, что привело тебя сюда, и мать знаменитого Мерли ни в чем не может отказать тебе. Ты хочешь достичь совершенства в чародействе; изволь, я рада буду умножить число наше таким предприимчивым человеком. Один из моих телохранителей препроводит тебя в залу испытаний, там должен ты, не взирая ни на какой страх, взять корбочку с нашим чудесным эликсиром, который составил муж мой для разных необходимых употреблений, и особенно для очищения нас при входе в наши сборища.»

Дама махнула рукою: одна из кошек подошла к Агриппе и проводила его в залу испытаний, где, оставляя его, сказала: — «при всех страхах клади одну руку на голову, другую на колено и произноси таинственное слово *Кормор-Нор*.» —

Агриппа пошел в темный угол залы, как сказал ему проводник и там на черном катафалке увидел огромного красного дракона, держащего в лапах своих несколько ящиков. Волшебник наш протянул руку, чтобы взять ящик, во дракон с ужасным свистом оскалил свои длинные зубы; тогда Агриппа, помня наставление трех-головой кошки, служившей ему проводником, в предписанном положении выговорил: *Кормор-Нор*.

Дракон закрыл пасть свою и выпустил из когтей своих один ящик.

Агриппа подошел ближе и хотел взять ящик, как увидел, обвившуюся около крышки небольшую змею, которая

грозила ему огненным своим жалом, Агриппа отскочил шага два назад; змея стала надуваться и расти так скоро, что в несколько минут сделалась толщиной с большое бревно, а длиною во всю залу и бросилась с размаху на волшебника. — По счастью он успел выговорить таинственные слова и змея, превратясь в дым, исчезла. Агриппа снова подошел к ящичку и поднял его безпрепятственно; но только что взял он его в руки, как выскочила из онаго жаба, покрытая кармазинного цвета бархатом, и начала бегать по зале, производя какой-то заунывный вой.

Это был знак к новому явлению. — И чрез несколько минут предстал пред Агриппою рыцарь, вооруженный как должно и имеющий на голове четыре рога. Это был сам главный покровитель всех колдунов волшебников и оборотней — Леонар.

Он взял у Агриппы ящичек, наполнил его чудесным элексиром и сказал:

— «Я не нашел из смертных смелее тебя и ты будешь вторым по Мерли, моем любезном внуке, друге и слуге. Намажь твои ладони элексиром и пойдем на место собрания: там открою я тебе все таинства чародейства.» —

Агриппа исполнил повеленное и на явившемся облаке дыма полетел с Леонаром из залы сквозь раскрывшийся потолок.

Они опустились на пространной долине под огромным дубом, где уже было собравшись множество волшебников и духов. Все встали при их приближении; а Леонар, сойдя на землю, тотчас превратился в огромного козла; на лбу его был один рог огненного цвета. Все собрание приступило к торжеству поклонения: каждый из волшебников бормотал какие-то слова, ужасно кривляясь, от чего скоро сделалось так темно, как в темную осеннюю ночь. Козел Леонар стал на возвышенном месте, невидимый дух держал черную зажженную свечу у хвоста его и все поочередно кланялись Леонару и целовали правую заднюю его ногу, — Агриппа последовал примеру прочих.

Обряд кончился; тьма рассеялась; Леонар принял прежний вид рыцаря и каждый из волшебников поздравил Аг-

риппу со вступлением в их собратство. Начался пир, после которого Леонар дал Агриппе свою любимую чертовку и волшебный жезл.

За час до разсвета все разошлись, Агриппа возвратился домой, сопровождаемый своею чертовкою, которая была при нем безотлучно: дома в виде черной кошки, а когда выходил он, то в виде черной собаки.

Скоро сделался он известен своим могуществом, и, говорят, живет доныне на берегу какого-то недоступного озера под колодою.



ОДОАРД МОНТАЛЬД.

Граф Берглас, прежний рыцарь славных подвигов, жил в своем поместье, наслаждаясь на старости спокойствием и утешаясь единственно своею дочерью Мелиною, которая была прекрасна как Майское утро. Рыцари: Рожер, молодой, статный и богатый, другой, Одоард, храбрый, благородный, но небогатый, пылали оба к Мелине самою пылкою страстию: первый из них был любим, второй почитаем.

Благородный Граф Берглас предназначал дочь свою Одоарду. Мелина думала иначе: она, как женщина, любила миловидного Рожера; ибо надежда удовлетворить тщеславию, жить в пышности, в огромном замке и иметь мужем лучшего из красавцев Германии и Франции, сильно действовали в сердце девицы в пользу Рожера.

Между тем Берглас страшась, чтобы дочь не предупредила его в выборе, — бедный старик не знал еще того, что уже совершилось — объявил ей о своем намерении. Непоколебимый характер и власть родительская удерживали Мелину от всех возражений. Она молчала.

«Люби, дочь моя, Одоарда!» говорил он ежедневно: «люби его как супруга и будь его достойна: он благороден и честен; а что небогат, то это такой недостаток, который в сравнении с его достоинствами ничего не значит.»

Вскоре Одоард с почтительностию испросил у Бергласа руку его дочери, и был обнадежен. Почитая себя счастливейшим человеком, он побежал к Мелине; но гордая девица приняла его холодно. Чувствительный любовник принял ее холодность за скромность и возвратился с восторгом домой.

Рожер вскоре узнает о сем произшествии. «Как!» вскричал он в ярости; «бедняк мечтает взять надо мною верх? Нет, я не допущу до сего.» Он тотчас побежал в замок Бер-

гласа.

— «Правда ли, прекрасная Мелина, что я должен вас лишиться?» —

— «Увы!» отвечала она: «нет для тебя надежды: отец мой уже приказал мне.»

— «И ты будешь повиноваться?» —

— «Чтож могу я? Приказание его непременно.»

— «Непременно? А! вижу, вижу, что ты меня не любишь, что ты хотела только играть мною.» —

— «Я, я не люблю тебя? О! да накажет меня небо, если другой кто имеет место в моем сердце.»

— «Итак Одоард..... мой соперник..... умрет?» —

— «Боже мой! и ты.....»

— «Или он, или я должен умереть непременно.» —

— «Неблагодарный! ты желаешь моей гибели?.... Знай, что если ты убьешь его, то отец мой без сомнения почтет меня виновною и осудит на вечное заточение! Старайся лучше убедить отца моего, но и это теперь тщетно: он дал уже слово.»

Рожер послушался Мелины и, являсь к отцу ея, представлял выгоды его богатства и знатности. Берглас скромно отказал ему, и когда заметил, что молодой рыцарь принял отказ сей горячо, то воспретил ему вход в замок. Пылкий Рожер вышел, поклявшись лучше потерять жизнь, нежели надежду,

В пылу страсти он написал к Мелине письмо, убеждая ее прислать ему также на письме уверение, что она будет его любить вечно.

Девушка не поняла причины сего странного требования, и накануне своей свадьбы написала следующее письмо к Рожеру;

«Я клялась тебе, рыцарь, и клянусь еще, что буду любить тебя вечно. Может быть, небо умиласердится и наградит любовь твою рукою любящей тебя

Мелины.»

На следующий день совершена была свадьба Одоарда, но преступная страсть не позволяла Мелине любить своего супруга. Первые месяцы она была к нему холодна, далее она его нисколько не уважала, а по истечении года уже его ненавидела, и в сие время старый Берглас помер, оставляя все свое имение Одоарду и Мелине. Первый сокрушался, вторая была нечувствительна к сей потере.

Рожер до сих пор таивший и чувство любви к Мелоне, с которою был в постыдной переписке, и чувство мщения к Одоарду, решился прокрасться в замок и успел дойти даже до комнаты своей любезной.

Мелина испугалась, но, не забыв свой долг, остановила Рожера в его намерении.

— «Я пришел» — сказал он — «спасти тебя, Мелина.»

— «Чтож можешь ты один здесь в замке Одоарда?»

— «Все, что внушает мне любовь, ничто не остановит моего намерения. Ты клялась мне и теперь должна доказать любовь твою.» —

— «Что могу я?...»

— «Я пришел умертвить твоего мужа, пришел расторгнуть узы твои, и вопреки всего доказать, что я умею любить и мстить». —

Еще продолжался разговор их; слабая Мелина склонилась на грудь Рожера и уста их сомкнулись.

«Теперь ты моя!» сказал Рожер: «и никакая власть тебя у меня не отнимет.»

Вдруг послышался тихий шорох. Одоард с факелом в руке вошел в горницу.

«Защищай жизнь твою!» вскричал Рожер, и, бросаясь на Одоарда, вонзил в грудь его кинжал..... Одоард упал, произнес имя Мелины, и испустил последний вздох — удар был верен; кинжал пронзил сердце несчастного.

— «Теперь» — сказал хладнокровно Рожер, отирая окровавленный кинжал свой: — «теперь рушились все преграды. Удалимся отсюда, Мелина! удалимся в мои поместья: тебя ожидает там счастье.»

«Готова следовать за тобою повсюду» отвечала Мелина. Она собрала все свои драгоценности и без малейшаго со-

жаления оставила замок родителя.

По прибытии в поместья Рожера, она скоро сделалась супругою; но день брака их был мрачен как черные души преступников — гости были веселы, потому что пир был всем обилен, но молодые супруги не вкушали радости, потому что совесть их укоряла.

Ночь наступила, небо покрылось тучами. Вихрь ломал деревья в близлежащей роще и некоторые вырывал из корня. Окна замка дрожали от сильных ударов грома. Молния лилась рекою, освещая окрестность, умножая ужас страшной грозы. Молодые супруги легли в постель и мечтали о будущих пирах, о будущих наслаждениях.....

Вдруг спальня осветилась красноватым светом и между супругов явилось страшное привидение..... это был Одоард..... «Трепещите! злодеи!...» сказала оно ужасным голосом.

Глубокий мрак заступил место света. Трепещущие супруги хотели в страхе прижаться один к другому, но между них лежал скелет и, обняв их костяными руками, крепко держал во всю ночь. Убийца и преступная жена дрожали, усиливались освободиться, но тщетно. — Только наступивший день мог освободить их от страха: привидение с рассветом исчезло, оставя кровавый след на постеле.

Целые три месяца не имели они покоя, ибо каждую ночь, подобно первой, привидение являлось им и держало их до утра своими холодными руками.

Какие ни были употреблены средства на смягчение тени Одоарда, но ничто не помогало; по прошествии трех месяцев, Рожер и Мелина, найдены в постеле мертвыми и окровавленными. Сердца их могущественною рукою были вырваны в ту ночь из груди и лежали сверху.

Целая окрестность знала об убийстве Одоарда и коварной измене его супруги и пастор не захотел предать по обыкновению земле тела преступных: трупы Рожера и Мелины сожжены и прах их развеян по полю.

VI.

ОБОРОТЕНЬ.

В одном небольшом местечке один старый плут имевший сообщение с нечистыми духами, чрез каждые девять дней от 11 часов ночи до первых петухов бродил оборотнем и делал разные проказы; входил сквозь крепко-запертые двери, пугал маленьких ребят, стаскивал с постели спящих, разбивал посуду, обливал старух водою и, словом, так устроил всех жителей сего местечка, что они, собравшись вместе, принесли жалобу на старого колдуна, которого наверно подозревали в сих дерзких и неуместных шутках.

Как не было явной улики, то судьи не знали, как решать сие дело. Жители, испрося позволение у начальников, бросились к славившемуся тогда в соседнем городе колдуну, и усиленными просьбами убедили его помочь их горю.

Он согласился, и, приехав к ним с обыкновенными волшебными чарами, на первом перекрестке вызвал подвластного ему нечистого духа.

— «Заклинаю тебя» — сказал он духу — «сказать мне, кто этот плут, который чрез каждые девять дней делает здесь проказы, превращаясь в оборотня.» —

— «Не могу!» отвечал дух: «сказать тебе имени, а могу сказать его приметы. Слушай: это человек в пять талеров, имеет детей и не имеет их, женат и не женат, имеет шестьдесят лет и сам не старше тридцати; в следующую пятницу он будет бегать по городу. — Прощай!»

Дух исчез, а старшины города, бывшие свидетелями сего объяснения, трепетали от страха и не знали что подумать. Многие хотели выезжать из сего местечка, многие хотели в пятницу запереться в домах и невыходить никуда; словом, все шумели и не знали что делать.

— «Не шумите так» — сказал колдун: — «скажите же мне лучше, нет ли у вас в местечке какого-нибудь старого холостяка лет в 60?» —

— «Есть!» отвечали старшины: «но дух говорил, что он не старше 30?» —

— «Нужды нег! это значит, что он только 30 лет в связи с демонами. — Есть ли у него жена?» —

— «Нет!»

— «Но он может быть женат на колдунье или на чертовке! Есть ли у него дети?» —

— «Говорят, что семеро, но все незаконнорожденные.»

— «Так чтож! они все-таки дети. А как его зовут?» —

— «Яков Шадрон.»

— «Поведите же меня к нему.» —

Старшины повели колдуна к Якову Шадрону; но, дабы не навести подозрения, остались на другой улице, и с ним вошел в дом один только молодой клерк.

— «Здравствуй, сосед!» сказал колдун: «вот человек, которому я задолжал несколько денег; теперь пришло время платить, а у меня нет ничего, кроме одной доброй лошади. Я слышал, что ты богат: купи мою лошадь, раскаиваться не будешь.»

— «Ныне деньги дороги, и я не так богат, чтобы мог тебе заплатить много; а если тебе нужны деньги, то, пожалуйста, я дам за нее пять талеров» — так отвечал Шадрон и взглянул в окно на лошадь, которая принадлежала колдуну.

— «Мало, сосед, но что делать? так и быть, лишь бы только стало отдать долг.»

Шадрон отсчитал пять талеров, а колдун, получа их, вышел на другую улицу и при всем собрании старшин пошмыгал на деньги; но что же было у него в руке? пять черепков разбитого горшка.

«Ага!» сказал колдун: «вот и человек в пять талеров. Это чертовские деньги, которые всегда, сколько бы раз их ни отдавали, возвращаются к своему хозяину. Погодите, в пятницу у его лучше поймаю.»

В следующую пятницу колдун караулил, когда выйдет из дому Яков Шадрон и следовал за ним повсюду. Он видел,

как проказничал оборотень, как у одних разбивал окна, как бросил на одного кошку, на другого жабу, сшибал с ног старух и тому подобное.

Когда же пропели первые петухи, то оборотень, как вихрь, бросился вон из местечка; колдун едва успевал за ним следовать. Оборотень прибежал к дубу, стоящему на поле, куда вскоре собрались со всех сторон и другие ему подобные; когда же собрались все, то приняли настоящий свой вид; — в числе их было много и женщин. — После обыкновенных приветствий, старший из оборотней, начертав на земле круг, вызвал своего демона, который явился в виде белаго медведя и стоял покойно во все время, пока каждый из оборотней не поцеловал у него лапу, тогда все начали плясать и кривляться.

Колдун, не желая упустить время, пробормотал свое заклинание. Медведь тотчас пропал, оборотни разбежались, но колдун схватил *Шадрона* за ухо и не выпускал онаго; *Шадрон* рвался со всех сил и успел уйти, оставя часть уха своего в крепкой руке колдуна, который возвратился пред разсветом в местечко.

Жители и старшины, встретя его, удивлялись, почему он, взявшись за дело, не привел оборотня; но колдун показал им половину уха и сказал, что теперь легко уличить старого плута.

Старшины и судьи тотчас пошли к *Якову Шадрону*, и действительно нашли его без половины уха.

Улика была верна. *Шадрона* осудили на смерть; но, тогда как подвели его к виселице, старый плут невидимо пропал из рук стражей и с тех пор об нем не было и слуху.

КОНЕЦ.

Примечания

Ж. Коллен де Планси. Ужасы чародейства

Впервые: М., тип. Лазаревых Института Восточных Языков, 1831.

Жак Альбен Симон Коллен де Планси (1793-1881) – французский писатель, издатель, пользующийся репутацией оккультиста и демонолога. Настоящая фамилия – Коллен; мать писателя была сестрой Ж. Дантона. По окончании колледжа в Труа поселился в Париже (ок. 1812), женился на своей кузине, переводчице и писательнице Марии-Клотильде Пабан; совместно с ее сестрой Габриэлой составил несколько компиляций. В 1820-х гг. подвизался в качестве издателя и владельца книжного магазина, но быстро разорился. В 1830-х гг. жил в Бельгии. В 1841 г. Планси, считавшийся вольнодумцем и последователем Вольтера, публично покаялся в своих антирелигиозных заблуждениях и вернулся в лоно католицизма, в 1846 основал религиозное «Общество Сен-Виктор для распространения благочестивых книг и воспитания христианских работников». С 1858 г. был генеральным директором известного издательства Анри Плона.

Коллен де Планси – автор многочисленных, частью опубликованных под различными псевдонимами, книг, в том числе словарей, сборников легенд и фаблю, собраний историй о привидениях, колдовстве, вампирах, оборотнях и пр. Его наиболее известное произведение – «Инфернальный словарь» (1818); наиболее ценным считается 6-е издание (1863), снабженное сотнями иллюстраций, включая «портреты» демонов.

Иван Гаврилович Гурьянов (1791 – не ранее 1854) – литератор, переводчик. Родился в семье капитана Оренбургского гарнизона, с 4-х лет воспитывался отчимом, колл. ассессором Г. Гурьяновым, служившим в Оренбурге, Уфе, Казани. В 1807 поступил на военную службу, неоднократно отличался во время войны 1812 г., за полгода дослужился до штабс-капитана и после ранения в ногу стал инвалидом. В 1814 после потери значительной суммы рекрутских денег провел 14 месяцев в тюрьме, обязался покрыть потерю за счет продажи имения и дома в Казани. В связи с пожаром в Казани и гибелью дома продажа имения затянулась; комиссия военного

суда, усомнившись в намерениях Гурьянова и существовании имения, приговорила его к смертной казни. Во время прохождения приговора по инстанциям Гурьянов успел продать имение и покрыть недостачу; затем (в 1818 г.) он был разжалован с лишением дворянства, чинов и ордена, переведен рядовым в Тульский пех. полк. В 1821 г. был произведен в унтер-офицеры. В 1824-5 – домашний учитель у своего дивизионного командира бар. Розена. Начал публиковаться в 1826 г., в том же году вышел в отставку. Сочинял учебные пособия, игры для детей, путеводители, патриотические книжки, составлял компиляции, песенники, исторические работы, переводил с франц. и нем. С начала 1830-х гг. писал также романы и повести, подражая Ф. Булгарину: «Илья Пройдохин. Открытая тайна некоторых, или Горе от ума и Горе без Ума» (1831); «Марина Мнишех, княжна Сандомирская» (1831), «Новый Выжигин на Макарьевской ярмарке» (1831) и т.д. В числе прочего обработал лубочный пересказ «Приключений барона Мюнхгаузена» Р. Распе, выполненный Н. Осиповым, выпустив его под загл. «Не любо – не слушай, лгать не мешай, или Чудная и любопытная жизнь Пустомелева, помещика Хвастуновской округи, села Вралихи, лежащего при реке Лживке» (1833). Сочинения и переводы Гурьянова были в осн. рассчитаны на мелких чиновников, купцов, мещан, провинциальное дворянство; некоторые выходили анонимно. В 1840-х гг. Гурьянов жил в Ельне, где давал уроки; в 1846 г. ему было разрешено поступить на гражданскую службу.

Простонародный сказочник

Первое издание книги вышло в 1836 г. Публикуется по напечатанному с этого изд. 3-му изданию (М., тип. П. А. Глушкова, 1867).

Тексты публикуются по указанным изданиям без изменений, за исключением замены упраздненных ъ, і и ѣ, исправления очевидных опечаток и некоторой унификации пунктуации. В оформлении обложки использована картина Н. Абиьгора «Кошмар».

Оглавление

УЖАСЫ ЧАРОДЕЙСТВА

Предуведомление от Автора	7
От переводившаго	8
I. Чортова житница	9
II. Изгнанные домовые	17
III. Видение. – Страстная любовь	21
IV. Мертвец	27
V. Рауль волшебник	33
VI. Чортов мост	43
VII. Прованская Габриела	48
VIII. Разбойничья казарма	56
IX. Ужасный козел в амбаре	60
X. Околдованный дом	66
XI. Бовинот волшебник	70

ПРОСТОНАРОДНЫЙ СКАЗОЧНИК

I. Чортов замок	77
-----------------	----

II. Необитаемая хижина	80
III. Два привидения	84
IV. Колдун Агриппа	88
V. Одоард Монтальд	94
VI. Оборотень	98
 П р и м е ч а н и я	 101

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.